

The poster features a central scene with Alexander Zorich in a yellow and red medieval-style tunic, holding a sword. He stands next to a woman in a purple dress who has a shocked expression. Two large, dark dogs are present; one is standing on its hind legs with its mouth open, showing teeth, while the other is sitting in the foreground. The background is a dark, stormy sky with lightning and a stone building with arches. The overall color palette is dominated by dark blues, purples, and the bright yellow and red of the central figure's clothing.

**АЛЕКСАНДР
ЗОРИЧ**

**ЛЮБИ
И ВЛАСТВУЙ**

ЗВЕЗДАНЫЙ

ЛАБИРИНТ

Александр Зорич

Люби и властвуй

Серия «Свод Равновесия», книга 1

Текст предоставлен издательством «АСТ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=133708

*Люби и властвуй: АСТ, АСТ Москва, Хранитель; Москва; 2007
ISBN 978-5-17-043178-6, 978-5-9713-4902-0, 978-5-9762-2885-6*

Аннотация

«Свод Равновесия» – такое имя носит Инквизиция Баранской республики, самого сильного государства мира Сармонтазар.

Она безжалостно уничтожает всех, кто позволяет себе отступить от жестокого закона этого мира... но наиболее жестоко преследует носителей запрещенной, приравненной к ереси магии.

Однако только что пришедший в эту службу юноша Эгин с изумлением обнаруживает, что варанские инквизиторы используют против своих врагов-магов...

Магическую силу!

«Двойной стандарт» и не более того?

Но постепенно Эгин понимает: «двойной стандарт», по которому он учится жить, – лишь первый шаг в лабиринте сложных, давних интриг между людьми и магами...

Содержание

Пролог	4
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	51
Глава 4	78
Глава 5	86
Глава 6	132
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Пролог

В центре большого сада, разбитого на манер алустральских «озер и тропок», над бассейном для игры в лам стояли двое.

– Но почему, почему, почтенный Альвар, вы не можете указать время точнее? – с легким раздражением спросил высокий пожилой человек с проклевывающейся среди сивых волос лысиной.

Он ловко подбил щелчком большого пальца фигуру, именуемую «золотым спрутом». Та, продержавшись с полсекунды на поверхности, наискосок спланировала сквозь водную толщу и легла ровно в центр поля «Венец Небес».

«Почтенный Альвар» в свою очередь швырнул «золотого спрута» на поверхность воды в бассейне.

Бросок был выполнен наугад, и все же «золотой спрут» Альвара, став на ребро, прошел воду и лег там же, где и фигура его противника, – в центре поля «Венец Небес». Удовлетворенно щелкнув языком, «почтенный Альвар» ответил:

– Потому что Дотанагела куда умнее собственных извращенных идей о новом служении Князю и Истине. Ради сохранения тайны Дотанагела готов съесть собственный язык. Мой человек сказал: «между четырнадцатым и двадцать четвертым днем сего месяца». И больше он ничего не вытащил

бы из Дотанагелы даже раскаленными клещами. Но я еще раз повторяю: когда именно Дотанагела подымет мятеж – совершенно не важно. Важно, что это произойдет совсем скоро. Важно, что гнорр не сможет оставить мятеж без внимания. И, самое важное, мы с вами уже сейчас готовы пожать плоды этого безумного предприятия Дотанагелы.

– И что же гнорр – по сей день действительно ни о чем не подозревает? В конце концов, есть ведь Опора Единства, осведомители...

– Нет, не подозревает. И Опора Единства здесь ни при чем, – отрезал Альвар. – Сейчас у гнорра все заботы связаны с поисками одного старого врага, который прокрался внутрь Свода Равновесия. А кто этот враг – он не знает.

– А вы?

В это мгновение Альвар вздрогнул всем телом и, резко наклонив голову вперед, сделал несколько быстрых смахивающих движений, ометая макушку правой ладонью. На землю упали несколько оброненных фигур лама, а в воду полетел средних размеров и выше средней омерзительности паук.

– Ненавижу насекомых, – прошипел он, не без труда сохраняя самообладание. – Всех этих скорпионов, тарантулов...

Его собеседник добродушно ухмыльнулся:

– Тарантулы не живут на деревьях. Когда я был ростом с этот стул, отец говорил мне: «Не бойся гада, который падает из ветвей; бойся того, которого встретишь близ паутиной

норы в камнях».

– Я не боюсь ни тех ни других, – сказал Альвар, опасливо озирая тяжелую ветвь тутового дерева, шелестящую у них над головами. – Я их просто ненавижу. Здесь есть разница.

– Впрочем, мы отвлеклись, – поспешно добавил он, опережая своего собеседника, который уже открыл рот, чтобы сообщить, что тарантулов и скорпионов глупо ненавидеть, но вполне уместно бояться. – Вы, кажется, спрашивали у меня что-то?

– Да, спрашивал. Вы говорили, что у гнорра есть внутри Свода «один старый враг», но он не знает, кто это такой. А я спросил, знаете ли его вы.

– Нет. Я тоже не знаю, – спокойно пожал плечами Альвар, и очередная фигура лама с филигранной точностью опустилась на дно бассейна.

Пожилой почувствовал, что больше не услышит от Альвара ничего интересного. И не сможет выиграть у него и на этот раз.

Альвар лгал. Ему были ведомы и имя врага, и единственно верный путь к его поиску для тех, кому это имя неизвестно. Но зачем его собеседнику знать об этом?

Сумерки сгущались. Пожилому было не столько жаль проигранных денег, сколько того, что в Варане существует человек, способный одолеть в лам его, непобедимую «Золотую Ручку».

А деньги – что деньги? Авры и аврики... Позавчера вот,

например, он выиграл у залетного гвардейского офицера такие шикарные трофейные серьги, что даже его неласковая племянница Овель буквально расцвела от восхищения.

– Ну что, отложим партию?

– Ах, Золотая Ручка, Золотая Ручка! – неожиданно рассмеялся Альвар, запанибратски приобнимая собеседника за плечи. – Вы все не оставляете надежд победить меня. Меня!

Альвар резко оборвал смех и сказал вполголоса:

– Не питайте пустых надежд. Обыгрывайте хоть весь Варан – на здоровье, – но никогда не пытайтесь обыграть меня. Не меньше дюжины таких самонадеянных неудачников зарыты по всему Кругу Земель – от Западного моря до Цинора.

От прикосновения Альвара по спине пожилого прошелся отвратительный холодок. Он был изнежен и труслив, он привык бояться, когда пугают.

Чтобы избавиться от неприятного ощущения пустоты, которое нет-нет да и возникало у него несколько раз за время сомнительной дружбы с Альваром, он попытался улыбнуться и сказал:

– Я не столь самонадеян, как многим того хотелось бы. Кстати, я давно собирался вам предложить, Альвар, познакомиться с моей племянницей. Посидим у меня, поужинаем...

– А, помню-помню, вы что-то говорили, – махнул рукой Альвар. – Знаете, я верю в очарование вашей племянницы.

Но советую вам до времени охладить свой любовный пыл. Вот станете Сиятельным князем – тогда вам будет позволено все, что угодно.

– Ну уж конечно позволено! При таком вольнолюбивом гнорре, как вы! – угодливо рассмеялся пожилой.

Альвар молча осклабился. Не так уж сильно ему жаждалось стать гнорром. Но в этой паршивой стране, куда занесли его ветры Гулкой Пустоты, гнорр был единственным человеком, имеющим достаточно власти. Меньше, конечно, чем подобает Отраженному, но на первое время годилось и это.

Часть первая

Похищение

Глава 1

Дуэль

1

Если один снесет другому голову слишком быстро, все останутся недовольны. Если противники помирятся, принеся друг другу извинения, и поединок не состоится, все будут просто в бешенстве.

Но если противники будут драться жестоко и долго, если плечистый «лосось» нарежет кожу этого князя чернильниц из Иноземного Дома ленточками, и притом с толком, с расстановкой, так, чтобы все могли видеть разорванные жилы и проступающую сквозь кровь белизну перерубленных костей, вот тогда каждый из них уйдет с площади Восстановленного Имени довольным. Мол, не зря потратился – такое зрелище действительно стоит трех медных авров. А может, и всех четырех.

– Довольно. Не таким, как ты, рассуждать о чести. Защищайся! – без особого воодушевления вскричал Ард окс Лайн, офицер Отдельного морского отряда «Голубой Лосось». Вслед за чем вытянул свой клинок из ножен на одну ладонь.

– Моей руке послушен меч. Ему я дам изведать крови, – достаточно медленно, твердо и громко – так, чтобы все зеваки слышали, – ответил чиновник Иноземного Дома Атен окс Гонаут.

Атен был высоким и худощавым мужчиной, которому на вид никак нельзя было дать больше тридцати. В действительности ему было двадцать семь. Так или иначе, заподозрить в нем отчаянного рубаку и мастера фехтования было совершенно невозможно, ибо каждый знает, какие увальни служат в Иноземном Доме.

«Моей руке послушен меч. Ему я дам изведать крови», – это значило, что вызов принят полностью. И нет больше места для извинений и переговоров.

Это значило, что дипломатия осталась далеко-далеко позади. А впереди только поединок до последнего вздоха. Кому-то назначено судьбой быть убитым.

Толпа с облегчением вздохнула – а то ведь бывает так, что за весь день никто ни с кем так и не сцепится. Многие дворяне приходят на площадь Восстановленного Имени, чтобы обмениваться смачными оскорблениями, держась за рукояти мечей, но не осмеливаясь произнести «формулу первой

крови», которая только что слетела с уст чиновника Иноземного Дома. Нет, в этот раз все будет иначе.

– Разойдись! – рывкнул «лосось» и, вытащив меч полностью, очертил круг поединка.

Похоже, он был немного удивлен горячностью своего русоволосого противника. Куда это он так торопится?

В том, что судьба решит поединок в его пользу, Ард окс Лайн не сомневался. Почти не сомневался.

Толпа понимающе ухнула. Круг раздался в стороны, приняв размеры, вполне удовлетворительные для дуэлянтов.

Держа меч все еще острием к земле, «лосось» испытующе поглядел на своего противника.

В принципе, этикет давал им обоим право на пару-тройку необязательных, но желательных фраз. Что-то похожее на жалость тронуло душу морского офицера. Дать бы дурачку писаке хоть поболтать перед смертью... Но тут Ард вспомнил о жестоком оскорблении, нанесенном ему не кем иным, как вот этим самым дурачком писакой, и вся его жалость мгновенно превратилась в тягучее и мутное боевое ожесточение.

– Хог! – гаркнул Ард и сделал три шага к противнику. Блеснул меч.

2

– А с чего это они завелись? – спросил провинциально-

го вида юноша. Такие всегда топчутся на поединках позади всех.

Ответ на этот вопрос знал почти каждый, но лишь приблизительно.

Всяк представлял себе сцену оскорбления достоинства по-своему. Наверное, оттого, что достоинство было у каждого свое и представление о нем тоже. Но все, кто собрались в тот день на излюбленной площади столичных дуэлянтов, знали наверняка: чиновник Иноземного Дома Атен окс Гонаут оскорбил офицера «Голубого Лосося» Арда окс Лайна. А не наоборот.

Кое-кому из присутствующих повезло видеть и зарождение сегодняшнего поединка. Тем, кто был вчера днем в театре.

Пьеса «Эллат и Эстарта» успела навязнуть на зубах всем столичным любителям зрелищ. А потому большинство мест занимали провинциалы, их повзрослевшие дети, чужеземцы и совершенно случайные люди, зашедшие скоротать пару часов. Одним из таких, похоже, был и Атен окс Гонаут. К началу он опоздал.

По рождению я грют, но отец мой, стремясь
Показать командиру итаны, где он
Возглавлял вспомогательный конный отряд,
Что забыты им древние битвы в степях,
Где его праотцы стали жертвой мечей
Праотцов командира итаны, не стал

Размышлять слишком долго.

И назвал меня Эгин... —

гнузил актер с накладной бородой из конского волоса.

Завязка уже отгремела, а все самое интересное еще не было сказано. Зрители томились жарой и любопытством.

Человек со знаками отличия Иноземного Дома пробирался на свое место, наступая на ноги и заслоняя сцену. За ним волочился шлейф всеобщего недовольного шиканья и раздраженной ругани.

«И назвал меня Эгин». — При этих словах Атен окс Гонаут вздернул правую бровь и впервые посмотрел на сцену.

Если бы кому-нибудь было не лень следить за выражением его лица, он бы, пожалуй, смог уличить Атена в странном удивлении, если не в замешательстве. Впрочем, никому не было до него никакого дела — пьеса была интересной.

Офицер «Голубого Лосося» Ард окс Лайн смотрел на сцену словно зачарованный. Он стеснялся признаться своей даме в том, что видит «Эллата и Эстарту» впервые.

Когда какой-то опоздавший на представление чиновник зацепил его гладковыбритый благородный подбородок топорщившимися из-под плаща ножнами, да еще и задержался перед ним — спиной к нему и к его даме, — на несколько мгновений больше, чем то было необходимо и допустимо, Ард позволил себе замечание:

— Проходи-проходи, чего стал?!

Но к удивлению Арда, замечания оказалось недостаточно.

Чиновник продолжал вести себя по-хамски. Он медленно повернулся к Арду и, смерив того взглядом сверху вниз – что, впрочем, неудивительно, ведь Ард сидел, а Атен стоял, – безмолвно высморкался.

– Ты что, спятил? – в ярости зашептал Ард. – Из лесу вышел, невежа?

– Ничуть, – с презрительным спокойствием ответил тот и, к вящему удивлению и раздражению офицера, уселся по правую руку от него. Во время этого несложного маневра, проведенного русоволосым чиновником, его ножны уже во второй раз чиркнули Арда по щеке.

– Ну это уже слишком! – забыв о приличиях и пьесе, гаркнул Ард и вскочил, в бешенстве отрывая от своего рукава цепкие коготки своей перепуганной спутницы, носившей глупое имя Авор, что означало «перепелка». Спутница молла успокоительную чушь и изо всех сил пыталась удержать его. – Ты что, меня не понял, пис-с-сака?

Атен окс Гонаут медленно перевел взгляд со сцены на своего соседа и придиричиво оглядел его с ног до головы.

С особенным издевательским тщанием он осмотрел его богатый, но несколько старомодный камзол цвета топленых сливок, у самого воротника которого лоснилось разлапистое жирное пятно (сам Ард заметил его только у входа в театр и ужаснулся, но было поздно!). Ард не смог совладать с собой и густо покраснел.

– Мне незачем понимать человека, который не может позволить себе пользоваться услугами прачки. Явиться в храм искусства в таком виде! Да это вы, милостивый гиазир, невежественны, как сама мать-природа, – отчеканил Атен окс Гонаут.

Что бы там ни происходило на сцене – в тот момент все взоры были устремлены в зал, где ссорились двое благородных. Все-таки такую свару, в отличие от «Эллата и Эстарты», можно увидеть в театре не каждый день.

3

– Хог! – высокомерно, словно бы милостыню, бросил Атен окс Гонаут, и его темно-синий плащ упал на землю.

Все. Началось. Болтать больше не будут.

Первый выпад «лосося» толпа встретила одобрительным шепотом. Эффектно, сильно, решительно.

Первую защиту «писаки», как ни странно, тоже. И в самом деле, такой прыти за чиновниками Иноземного Дома вроде бы раньше не водилось.

Атен окс Гонаут присел на одну ногу. Его меч, клинок отличной северной закалки, встретился с казенным клинком «лосося» в весьма необычном месте, лишив удар офицера той мощи, которая пришлась по душе зевакам секундой раньше.

Если бы у Арда окс Лайна было время на недоумение, он,

пожалуй, недоумевал бы.

Он не ожидал, что его обидчик, который – по всему видно – младше его лет на десять, сможет осадить его столь легко, причем в первом же выпаде.

– Хог!

Меч «писаки», ведомый аккуратным проворотом кисти, метнулся к Арду по весьма необычной траектории. Едва ли кто-нибудь из зрителей знал, что маневр этот зовется «младшим серым бражником».

Ард тоже этого не знал. Озабоченно крикнув, он произвел скованный и судорожный отбив удара. Неудачно, хотя и не так, как рассчитывал «писака». Клинок Арда сошелся с клинком противника почти плашмя, издав низкий гул.

«Когда дурная рука фехтовальщика оскорбляет благородную сталь, сталь повествует об этом возмущенным гулом», – говаривают трактаты, посвященные искусству убивать.

Но не успел Ард ретироваться, как обозначился новый удар. Похоже, писака не был сторонником долгих матримоний и торопил... Что он торопил?

Теперь Арду уже не казалось, что его противник торопит свою смерть. Нет, этот чиновник – не сумасшедший выскочка, ищущий себе на голову приключений по театрам и площадям. Он...

Но «лососю» не оставалось времени на раздумья.

Неожиданный удар с левого бока.

Лезвие клинка Арда судорожно несется влево. Замах –

высокий, нахальный, уверенный – и писака бьет сверху. «Лосось» с трудом уходит.

Зрители, сохраняя неподвижность, следят за сражающимися в полном молчании. Время как будто утратило непрерывную длительность и отмеряется короткими, проблесковыми всплесками. Теперь каждый жест, каждый вздох, каждый ложный выпад значительны.

Да, сейчас сражаются отнюдь не равные противники. Это было понятно и до начала поединка. Но только теперь выяснилось, что ведет отнюдь не «лосось». А, Хуммер его раздраи, этот немного тщедушный на вид, бледный и русоволосый писака из Иноземного Дома!

«Целый год буду всем рассказывать, что видел, как чиновник зарубил офицера, и не просто офицера, а „лосося“!» – промелькнуло в голове простодушного провинциального юноши из последнего ряда.

Напоследок писака порадовал зрителей великолепным выпадом, который в Варане безлико именовали «отвод с ударом».

Острие клинка описало правильный полукруг над клинком противника слева направо, а затем последовал удар, отбивающий клинок противника книзу.

Ард окс Лайн выронил меч – впервые за последние девять лет. Что теперь? Молить о милосердии?

Ард бросил на своего противника взгляд, исполненный ненависти и горечи. Это в самом деле обидно – умереть от

руки оскорбившего тебя человека. Но во взгляде «писаки» не было ни ненависти, ни милосердия. Ничего, к чему имело бы смысл взывать.

«По рождению я грют... И назвал меня Эгин», – отчего-то вспомнилось Арду окс Лайну за секунду перед тем, как его голова, отделенная от тела клинком чиновника Иноземного Дома Атена окс Гонаута, покатила по булыжникам площади под ноги охнувшим и расступившимся клином зевакам.

Теперь у нее, у этой головы, были мысли поважнее пьесы о вражде двух стародавних войсководелителей.

Глава 2

Изумрудный трепет

1

Пристань для кораблей Отдельного морского отряда «Голубой Лосось» найти проще, чем собственное отражение в зеркале.

Потому что над ней, видимая из любого конца порта, возвышается тридцатилоктевая колонна, обвитая по спирали выразительным барельефом. Сто двадцать одна картина повествует о воинских трудах, победах и триумфах лучшей флотилии Варана. А на вершине колонны можно видеть герб отряда: собственно Голубого Лосося, взлетающего к Солнцу Предвечному на пенном гребне Счастливой Волны.

Что есть лосось на гербе отряда? Лосось есть знак неистового упорства, ибо воистину неистово упорство этой рыбы, что подымается к верховьям рек во имя продолжения рода. Так же и «Голубой Лосось» неистов и упорен в своем служении Князю и Истине.

Отчего лосось на гербе отряда носит голубой цвет? Голубой цвет есть знак непорочной чистоты в жизни так же, как белый цвет есть знак непорочной чистоты в смерти.

Сегодня у каменной пристани находились пять из семи кораблей «Голубого Лосося».

Все они были заметно чище, статнее и изящнее, чем двухъярусные галеры Флота Охраны Побережья и пузатые трехмачтовые громадины Флота Открытого Моря.

Корабль Арда стоял пятым, последним в ряду похожих между собой как две капли воды узкобедрых двухмачтовых красавцев флотилии. Именовался он многозначительно: «Зерцало Огня».

– Вечер добрый. – Эгин протянул стоящему на вахте матросу грамоту, удостоверяющую его, Эгина, липовую личность.

– Тор-ман окс Нон, се-го по-да-тель, есть пред-ста-ви-тель Мор-ско-го До-ма, у-пол-но-мо-чен-ный в... – медленно по слогам прочел матрос и только потом, насладившись приятной шероховатостью гербовой бумаги уважаемого ведомства и удостоверившись на зуб в подлинности золотой печати, добавил:

– Тогда добрый вечер.

Эгин ответил матросу сдержанной улыбкой.

– А по какому делу, милостивый гиазир Торман? – поинтересовался матрос, сворачивая грамоту. – Небось за вещичками Арда окс Лайна? Так ведь?

– Так, – кивнул Эгин. – Мне сообщили, он погиб сегодня утром. Тебе, кстати, не известно – как?

– Известно. Его какой-то хмырь из Иноземного Дома... того... – Настроение у матроса портилось прямо на глазах. – Говорят, этот недоносок из гражданских его нечестно подколол. Случайность, наверное. Когда такое было, чтобы офицера...

– И то верно. Жаль вашего Арда окс Лайна. Жаль, – довольно холодно отозвался Эгин и, спрятав бумагу в сарнод, двинулся вверх по сходням.

Не очень-то приятно, когда вахтенные матросы величают тебя недоноском и упрекают, пусть даже сами не ведая о том, кого упрекают, в нечестности.

Впрочем, матрос не виноват. Сам того не ведая, вахтенный сделал Эгину, в совершенстве владевшему искусством перевоплощений, изысканный комплимент. Двудликий чиновник Иноземного и Морского Домов улыбнулся сам себе у верхнего края сходней.

3

Матрос на вахте был молод и неискушен. Похоже, он действительно поверил, что Эгин является офицером Морского Дома, пришедшим за вещами несчастливо погибшего Арда окс Лайна.

«Лососей» постарше на такую простую легенду не купить.

Когда Эгин поднялся на верхнюю палубу, десять пар глаз, угрюмых и настороженных, воззрились на него в немом вопросе.

Но в тот день вопросы задавал Эгин.

– Не подскажите ли, милостивые гиазеры, как мне найти каюту покойного Ард окс Лайна?

Получив скупое и невнятное, но все-таки объяснение, Эгин пригнулся, чтобы не удариться головой о верхнюю притолоку люка, и ступил на лестницу, ведущую вниз, на вторую палубу.

Его проводили враждебные взгляды и тихий шепоток.

Да, эти матерые «лососи» прекрасно понимают, что Ард был не в ладах со Сводом Равновесия. И не сомневаются в том, что убит он не просто так, а с ведома и по указанию Свода.

Они догадываются, что Эгин – оттуда. Хотя скорее всего и не подозревают, что именно он, Эгин, сегодня утром разбавлял скуку площади Восстановленного Имени «малыми серыми бражниками».

Когда Эгин спустился до середины лестницы, ремень на его левой сандалие лопнул, пряжка отскочила, он споткнулся и едва не упал.

Левая сандалия была непоправимо испорчена. Подошва отдельно – ремешки отдельно.

– Сыть Хуммерова! – в сердцах выругался Эгин. Он подобрал останки левой сандалие, снял для симметрии правую

тоже и продолжил спуск в утробу «Зерцала Огня».

Он не стал оборачиваться. И без того было понятно, что «лососи», на цыпочках прокрававшиеся к люку, видели все.

Кто-то из них прыснул со смеху. Кто-то шепотом обозвал гостя из Свода Равновесия босяком. Настроение компании наверняка улучшилось.

«Что ж, потешил дураков бесплатной клоунадой», – вздохнул Эгин, хлопнув сандалией о сандалию, словно бы это были ладони.

Хлоп!

4

Переступая порог каюты Арда, Эгин злился на себя и на все мироздание.

Слишком долго он сегодня возился с этим Ардом! Мог, между прочим, получить между глаз холодной сталью. Надо за собой следить.

Уговорить бы Иланафа в День Безветрия выбраться хоть на Руины и там попотеть как следует. И под правую руку, и под левую, и, пожалуй, даже под кавалерийские приемы. Вот придется в следующий раз работать против «меднокопытного» – можно и костей не собрать.

И очень уж глупой вышла сцена с этой растреклятой обувью!

Конечно, сам виноват. Человек из Опоры Вещей должен

следить за своим маскарадом денно и ночью. И все-таки слишком подло отлетела застежка, слишком глупо лопнул ремешок, слишком беспомощно выглядел он, едва не свалившись с лестницы!

В каюте было темно. Эгин отыскал на ощупь ставни оконца, которое служило единственным источником солнечного света в этой крысоловке.

Кромешный мрак превратился в полумрак. Ну да, ведь вечер. Эгин осмотрелся.

Как обычно. Койка, навесной шкафчик над койкой (небось по колокольному бою тревоги Ард не раз и не два набивал себе шишки, а шкафчик не снимал). Тумба слева, два откидных сиденья напротив койки, а под койкой... Ну да, сундучок и пара сандалий. Пара сандалий!

Эгин ухмыльнулся. Летом все варанские морские офицеры обуты одинаково. Он, Торман окс Нон, чиновник Морского Дома, и Ард окс Лайн, боец «Голубого Лосося», – носят совершенно одинаковую обувь, которую в огромных количествах изготавливают на факториях Его Сиятельства Поставщика (а заодно и тестя) Хорта окс Тамая. Обувь – дермо, живет хорошо если один сезон, но легка и удобна, в этом ей не откажешь.

Эгин достал сандалии из-под койки и осмотрел их придирчивым взглядом столичной модницы. Почти не ношенные. Размер – его. Эгин шевельнул ноздрями. И чужими ногами не воняют.

«Итак, судьба отобрала у меня превосходные сандалии, и их вновь придется выписывать через шестерых пожирателей бумаги и выпивателей чернил в Арсенале Свода.

И судьба подарила мне сандалии, которые созданы для меня. Обычные хорошие сандалии. Если Норо будет продолжать разработку по «Голубому Лососю», то они придутся как нельзя кстати».

Вскоре Эгин запихнул под койку свои порванные сандалии и выпрямился в полный рост, ощущая на ногах упоительную легкость свежей, чужой, дармовой обуви. Вот теперь можно было посвятить себя служебному долгу.

5

В каюте Арда витал какой-то подозрительный дух, не вполне сочетающийся с представлениями о нравственной чистоте офицера «Голубого Лосося».

С внутренней стороны двери висела картина на шелке, изображающая девушку, склоненную над водой.

Ракурс, в котором безвестный растлитель нестойких душ подал не менее безвестную натурщицу, настораживал, ибо наводил на мысли о Задней Беседе. А Задняя Беседа промеж мужчиной и женщиной даже в отсутствие Крайнего Обращения – дело гибельное, милостивые гиазиры.

Конечно, конечно, в самой картинке не было ничего крамольного, ибо в ней отсутствовал первейший знак Обра-

щения – собственно обнаженная персона или надлежущая часть персоны обратного пола. И все же Эгин, непроизвольно пожившись, извлек из своего чиновничьего сарнода с гербом Морского Дома хищные клещи и, осторожно вытащив гвозди, снял похабную картинку с двери.

Работа по Вещам началась. Пять Вещей были налицо: четыре гвоздя и шелковый лоскут.

Эгин сел на койку и, запустив руку в святая святых своего сарнода – обособленный медный цилиндр, – извлек Зрак Истины.

Стеклянный шар размером с два кулака. Ни швов, ни следов выдувки, ни горловины. Просто идеальный шар из толстого, но очень чистого стекла, полностью заполненный водой. Ни одного пузырька воздуха.

А внутри шара – словно бы подвешены в полной неподвижности, в загадочной дреме три полупрозрачных существа, каждое размером с мизинец. Тонкие многоколенчатые лапки, длиннющие усы, бусины-глаза. Креветки-светляки, выкормыши естествоиспытателей (или, как их называет Иланаф, «естествоизмучителей») из Опоры Безгласых Тварей. Креветки-призраки, которым ведомо неведомое.

Ну что же, начнем. Эгин вздохнул – дело предстояло скучное – и, скомкав содранную шелковую красавицу, посмотрел на нее сквозь Зрак Истины. Ничего. Как и следовало ожидать.

Эгин разложил на койке шелк рисунком вниз (чтобы не

смушал мысли) и один за другим прошупал сквозь Зрак Истины все четыре гвоздя. Снова ничего. И снова – ничего удивительного.

Тогда Эгин на всякий случай осмотрел Зраком всю каюту. Пол, потолок, стены, койку, тумбу, откидные стулья.

Подобного рода поверхностные осмотры обычно не приносят результатов, потому что даже обычная ткань, не говоря уже о дереве или металле, представляет для такого простого Зрака Истины непроницаемую преграду.

Но если бы вдруг в щелях между досками притаилось семя Огненной Травы (что невероятно) или жук-мертвитель (что почти невероятно), то...

Эгин выругался в полный голос. Если бы здесь сидел жук-мертвитель, то он, Эгин, был бы уже мертв. Все-таки сильно его сбили с толку эти проклятые сандалии. Он должен был осмотреть здесь все через Зрак Истины еще до того, как переступил порог каюты. Хвала Шилолу, Ард окс Лайн был мелкой сошкой.

6

Эгин относился к тем людям, которые сперва съедают тушеную морковь, а уж потом – кусок жареного мяса, хотя морковь у них вызывает умеренное отвращение, а мясо – вожденное слюноотделение. Эгин догадывался, где следует искать самое интересное, и все-таки продолжал разбираться с

разной безобидной ерундой, тешась предвкушением досмотра навесного шкафа над койкой и сундучка под койкой.

Лучшее из личного оружия Арда осталось при трупке и сейчас вкупе с его одеждой досматривается какими-то другими поддельными чиновниками Морского Дома в городском Чертоге Усопших. Или поддельными писарями из Чертога Усопших – это не его, Эгина, дело.

В угрюмой утробе тумбы, где водился средних размеров и большой мерзости паук (его что, этот Ард нарочно лелеял?), обнаружилась пара чуть заржавленных абордажных топоришков. Больше оружия в каюте не было. Немного для «лососья», но, в принципе, понять можно: остальное они получают на руки перед выходом в море. Включая и тяжелые доспехи.

Эгин ковырнул ногтем ржавчину на топоре. Засохшая кровь.

Действительно, с чего бы ржаветь хорошей оружейной стали? Каждый офицер любит свое оружие. Эгин вот, например, очень любил. Но он никогда не забывал стереть кровь. А Ард забыл. Или не захотел. Топоры, проигнорированные Зраком Истины, отправились к гвоздям. Раздавленный при попытке к бегству паук – к праотцам.

В тумбочке еще сыскался светильник. Эгин, немного поколебавшись, зажег его и выставил на тумбочку. Масла в светильнике было мало, но на ближайший час хватало с лихвой. А Эгину больше было и не нужно.

«Ладно. Хватит. Морковкой я сыт. Хочу мяса», – решил

Эгин. И ему сразу же захотелось запустить зубы в сочную плоть убиенного тельца. Ел он давно.

Эгин подошел к навесному шкафу и, откинув два крючка, рывком распахнул створки. Около тридцати корешков разномастных книжек.

«Ого!» – присвистнул Эгин.

За всю свою жизнь он едва ли прочел столько. Да что там «прочел»! Может, и в руках столько не передержал.

А вот Ард, похоже, был настоящим книгочеем. Недаром первый, скорее забавный, нежели содержательный донос на Арда поступил из публичного книгохранилища. Он, видите ли, испросил «что-нибудь о раннем, „героическом“ периоде истории Орина». А когда ему ответили, что могут предложить только «Грютские войны» медовоустого Карациттагона, обласканного по обоим берегам Ориса и по обеим сторонам Хелтанских гор, Ард изволил наморщить свой породистый нос и удалился, бормоча «кругом одни враки...».

Вспоминая этот дурацкий донос, прочитанный месяц назад в кабинете Норо, Эгин направил Зрак Истины на книги Арда.

О да! Дерево дверных створок действительно надежно хранило их до поры, но теперь, обнаженные, они явили свою сущность. И если верхний ряд и правая половина нижнего были непорочны, то при осмотре левых корешков креветки наконец-то ожили.

Под их эфемерными панцирями пробежали цепочки ма-

линовых огоньков. Самая крупная встала в шаре вертикально, опустив голову вниз, а две другие составили с ней подобие двухсторонней виселицы.

Эгин выбрал наугад третью по счету слева книгу – самую тощую и невзрачную – и посмотрел на нее отдельно.

Цвет огоньков, которыми истекала плоть креветок, изменился на нежно-салатовый. Потом огоньки насытились густой зеленью.

Эгин хорошо помнил предписания и знал, что должен сделать в этом случае. И все-таки продолжал смотреть, ибо никогда еще ему не приходилось встречать Изумрудный Трепет. И только когда старшая из креветок, став сплошь зеленой и совершенно непрозрачной, неожиданно упала на дно, Эгин наконец очнулся от наваждения и поспешно отвел взор.

Плохо. Зрак придется менять, потому что вслед за первой очень скоро умрут и две остальные. Придется объясняться перед начальством. Вообще-то, подобный отход от предписаний сам по себе еще не преступление, а всего лишь служебный проступок. Но и этого не так мало...

«Ну ладно, – мысленно махнул рукой Эгин. – Раз уж я загубил Зрак, то можно, пожалуй, еще раз отойти от предписаний и заглянуть внутрь той дрянной книжонки, которая вызвала Изумрудный Трепет. Об этом-то уж точно никто не узнает».

Эгин отложил Зрак и наугад открыл книгу, которая в об-

щем-то и книгой не была. Две тонкие деревянные дощечки с отверстиями, через которые пропущена бечевка. Между дощечками – листов тридцать – сорок плотной бумаги, испи- санные нетвердым, развинченным почерком Арда.

«...В то время как второй доставляет деве удовольствие изучить свой жезл посредством губ и языка...»

Сердце в груди забилося ощутимо быстрее. Эгин поспеш- но захлопнул книгу.

М-да. «Второй». Значит, есть и «первый». «Двойные Зна- комства с Первым Сочетанием Устами» и чем-то там еще, исходящим от непрочитанного «первого». За составление подобного трактата (или, скорее, за его переписывание?) Ар- да можно было публично казнить через повешение на гни- лой веревке, изгнать из благородных и, пожалуй, сослать на галеры.

Однако креветкам-призракам до этого дела нет. И неот- куда здесь взяться Изумрудному Трепету. «Разве только в чьих-то невоздержанных чреслах», – ухмыльнулся Эгин. Значит, книга сложнее, чем кажется на первый взгляд.

Стараясь не зачитываться крамолой, Эгин по возможно- сти быстро проверил все страницы. На предпоследней цвет чернил сменился с черного на красный.

Вместо всяких там «Грютских Скачек» Эгин увидел замкнутую линию, очерчивающую яйцеобразный контур. Внутри контура теснились столбцы скособоченных знаков.

«Если это письменность, то уж никак не наша...»

На линию, окружающую шифр-таблицу, были нанизаны восемь картинок. Что-то вроде кольца... Рогатое кольцо... Еще одно рогатое кольцо... Изогнутый узкий придаток...

Дверь за спиной Эгина распахнулась. Прежде чем его рас-судок осознал это, ладони Эгина уже бесшумно закрыли книгу.

Книга отправилась на койку.

Вслед за этим Эгин обернулся. Обгоняя мысли, его правая рука продолжилась сталью меча, который, казалось, с самого утра так и не возвращался в ножны.

7

– Спа-акойно, а-аф-фицер! – с издевательской растяжкой сказал высокий мужчина, переступивший порог каюты.

В двух ладонях от его груди застыло лезвие меча Эгина, который, как всегда, не был Эгином, а, как мог судить всякий по браслету на правом запястье и по застежке плаща, являлся плоскозадым и ленивым волокитчиком из Морского Дома.

Незванный гость был одет точно так же, как и Эгин, но в отличие от последнего носил щегольские усики. Его браслет имел ту же незатейливую форму гребенчатой волны и украшался скромными слезами янтаря. А вот его сарнод был побольше, кичился позолоченными оковками на углах и редкой, дорогой кожей тернаунаской акулы.

Эгин с трудом подавил облегченный смешок, но внешне остался совершенно бесстрастен. Не изменившись в лице, он вернул меч ножнам.

– Чем могу быть полезен, офицер? – спросил Эгин, чуть склонив голову набок.

– Ничем, – сухо ответил тот, раскрывая сарнод.

– Как мне вас понимать? – Эгин неожиданно разозлился на этого сухопарого хлыща, который, конечно, наверняка какой-нибудь ушлый рах-саванн Опоры Писаний, и все же это еще не дает ему права так разговаривать с эрм-саванном Опоры Вещей.

– Так и понимайте, офицер, – сказал обладатель щегольских усиков, протягивая ему прямоугольную пластинку из оружейной стали.

Гравировка на пластине изображала двухлезвийную варанскую секиру. На обоих лезвиях были выгравированы глаза. На левом глаз был закрыт. На правом – открыт.

«Свод Равновесия» – гласила надпись, полукружием обымающая секиру сверху.

«Гастрог, аррум Опоры Писаний» – под секирой снизу.

«Дырчатая печать» Свода Равновесия была как бы небрежно оттиснута на пластине слева внизу.

Да, все правильно. Подделать можно что угодно, но только не «дырчатую печать», официально именуемую «Сорок Отметин Огня». Крохотные отверстия в пластине имели звездообразно оплавленные края с многоцветной синей окали-

ной и вместе составляли схематичное изображение той же секиры, которая любовно была нанесена граверами на пластину.

Когда Гастрог принимал свой жетон обратно, в отверстиях «дырчатой печати» вспыхнули синие искорки. Иначе и быть не могло.

Если кто-то, убив или обокрав офицера Свода, завладел бы его жетоном, тот остался бы в руках убийцы или похитителя всего лишь железкой. Сорок Отметин Огня отвечают синими искорками только своему истинному владельцу. Офицеров Свода учат, что никому в Круге Земель не по силам добиться подобного эффекта и, следовательно, подделывать жетон Свода невозможно.

Эгин даже не мог помыслить тогда, что в Круге Земель есть магии не менее действенные, чем магия кузниц Свода Равновесия. Даже не мог помыслить...

Эгин, которому от досады хотелось выть волком, достал и протянул Гастрогу свой жетон.

– Ну что же, эрм-саванн, – сказал Гастрог по-прежнему насмешливо, но уже несколько более дружелюбно. – Как старший званием на две ступени и как офицер превосходящей Опоры, прошу вас немедленно покинуть каюту покойного Арда окс... – Гастрог запнулся, напрягая свою память, и Эгин злорадно подумал, что нечего было лезть вам, офицер, не в свое дело.

– В общем, не важно, – махнул рукой Гастрог. – Так или

иначе, вы свободны, эрм-саванн.

– Прошу прощения, аррум, – сказал Эгин, пытаясь вложить в свои слова ровно столько нажима, сколько нужно, чтобы не превысить свои полномочия и при этом все-таки произвести на Гастрога впечатление человека, имеющего право на собственные суждения. – Я нахожусь здесь по долгу службы, и я еще не закончил этот долг выполнять.

– Да? – спросил Гастрог. Его брови сошлись на переносице подобием грютского лука. – И вы осмелитесь утверждать, эрм-саванн, что ваш долг заключался в том, чтобы привести в негодность свой Зрак Истины?

«Какая наблюдательная тварюка!» – мысленно возопил Эгин.

– Аррум, – Эгин с усилием сглотнул ком, подступивший к горлу, – Зрак Истины пришел в негодность самопроизвольно, когда я осматривал книги Арда окс Лайна на предмет наличия в них жуков-мертвителей.

– Вот как? – поинтересовался Гастрог, и его подвижные брови взмыли ввысь знаком ироничного изумления. – В книгах, наверное, сыскались целые орды жуков-мертвителей?

– Нет, аррум. – Эгин из последних сил сохранял подобие невозмутимости. – Причиной порчи послужили сами книги.

Гастрог не ответил. Он брезгливо поднял с койки отброшенный Эгином трактат и, быстро пролистав его, уперся в то же место, что и эрм-саванн десятью минутами ранее: в предпоследнюю страницу с рисунком красными чернилами.

– Вы открывали ее? – отрывисто осведомился Гастрог, стремительно захлопывая книгу.

– Нет, аррум. Лишь пристально посмотрел на нее через Зрак Истины. Зрак молниеносно взялся Изумрудным Трепетом – я не успел отвести глаза.

Эгин знал, что его очень легко уличить во лжи. Гастрогу было достаточно поглядеть на книгу через свой Зрак Истины, чтобы убедиться, что Изумрудный Трепет возникает отнюдь не «молниеносно».

Эгин с тревогой ожидал, когда аррум потянется за Зраком. И тот да, потянулся. Эгин обмер.

– Ну вот что, – сказал аррум нарочито тихо и невнятно. – Держите мой Зрак Истины. Он такой же, как и ваш. Ваш, испорченный, я оставляю себе. Вы немедленно уходите отсюда, забрав недосмотренные вещи с собой. Своему начальнику – Норо, если не ошибаюсь, – Эгину показалось, что при этих словах в голос Гастрога вкрались скрежещущие нотки угрозы, – вы можете сказать, что вас прогнал из каюты аррум Опоры Писаний. И это чистейшая правда. Вы можете назвать ему мое имя – Гастрог, – иначе он не поверит, что вы согласились уйти, не взглянув на мой жетон. Это тоже правда. Все.

Однако, как оказалось, еще не все.

– Про вот это, – добавил Гастрог, легонько постучав пальцами по книге, – вы должны забыть до окончания времен, и если даже шестьсот кутах будут медленно крошить вас в

оринский салат, вы не должны хоть словом обмолвиться о происшествии с вашим Зраком Истины. Вы меня поняли, эрм-саванн? – Гастрог впился взглядом в лицо Эгина.

– Да, аррум. – Эгин понимал, что, быть может, сама его жизнь сейчас зависит от той степени искренности и глупости, которую изобразят его глаза.

– Поняли. – Гастрог чуть заметно кивнул. – И еще. Я бы мог убить вас, но не сделал этого потому, что мы оба офицеры Свода и работаем ради общей священной цели. Сегодня вы совершили служебный проступок, тяжесть которого не в состоянии осознать. Я прощаю вас, но имейте в виду: я помню – ваше имя Эгин, вы эрм-саванн Опоры Вещей и живете вы в доме Голой Обезьяны, что по Желтому Кольцу. Ваша любовница – Вербелина исс Аран, ваш начальник – аррум Норо окс Шин, вам двадцать семь лет, и сегодня вас произведут в рах-саванны за отличную службу. Не стоит портить себе карьеру и жизнь, рах-саванн.

Слишком много ударов ниже пояса.

8

– Что, прямо так и сказал?

– Да. Так и сказал.

Человек, одетый по самой что ни на есть щегольской моде – ярко-зеленые, словно бы даже флюоресцирующие штаны, которые в столичном высшем свете именуются «литыми

ножками», рубаха с отложным воротом и приталенный кожаный жакет, – примолк и задумался.

Его пальцы с холеными ногтями прикоснулись к подбородку. Лицо изобразило серьезность, граничащую едва ли не со скорбью.

Это была одна из самых расхожих гримас Норо окс Шина. Человек, не знающий его, мог бы подумать, что следующими словами Норо станет что-нибудь вроде «Увы, все, решительно все пошло коту под хвост». Но Эгин служил под началом Норо шесть лет и не стал удивляться скупой улыбке аррума, за которой последовали слова:

– Ну что же, ты все сделал правильно. Если старший по званию просит тебя удалиться, надо удаляться. Так гласят Уложения. Так ты, значит, с собой забрал все-все вещи Арда?

– Да, аррум, – тихо ответил Эгин.

Норо окс Шин, как и Эгин, был здесь инкогнито, и именно поэтому в костюм его входили «литые ножки». В остальное время Норо предпочитал штаны из оленьей кожи.

Эгин не побоялся произнести вслух истинное звание своего начальника, поскольку слышать их никто не мог.

Они стояли у каменного парапета, отделявшего рукотворную стихию огромной варанской столицы от нерукотворной стихии моря на западном краю порта.

За их спинами серели громады вспомогательных арсеналов Морского Дома. Здесь не было пристаней. И людей здесь

тоже не было. Только конченные зануды могли прийти сюда, в неприютную пустоту, где нет ни вина, ни женщин, ни увеселений.

Вот они двое – чиновник Атен окс Гонаут и праздношатающийся богач из уездного захолустья с неблагородным именем Альвар – и были, надо полагать, этими самыми конченными занудами.

Впрочем, оставалось не совсем понятным, зачем чиновнику, помимо битком набитого кожаного сарнода, требуется еще и заплечный мешок, который во время их разговора скромно покоился рядом с сарнодом. «Он что, свою бумажную работу на дом тащит?» – удивился бы наблюдательный зевака. И был бы отчасти прав!

– М-да, вид у тебя сейчас, эрм-саванн, – ухмыльнулся Норо. – Ну да ладно. В конце концов, это даже к лучшему.

Эгин молча развел руками и тоже изобразил нечто, похожее на улыбку. Он не совсем понимал, что «лучшего» может быть в его тяжелой поклаже, которую придется сейчас везти домой и разбираться с ней никак не менее двух часов.

Норо неожиданно склонил голову набок и посмотрел на Эгина с таким странным выражением, будто бы видел его первый раз в жизни.

– Слушай, эрм-саванн, а ты, случайно, совершенно случайно, не забыл рассказать мне какую-нибудь мелочь? Может, Гастрог еще что-то говорил?

Эгин ожидал чего-то подобного и все равно был неподдельно напуган. Его спасало лишь то, что он, как и всякий мало-мальски опытный офицер Свода Равновесия, владеет своим лицом и телом лучше, чем несравненный Астез, исполняющий все ведущие роли (Эстарта, Эррихпа, Инн окс Лагин и иные могучие мужи прошлого) в Алом театре.

Ни один лишний мускул не дрогнул в лице Эгина. Ни один лишний – но все необходимые для того, чтобы изобразить смесь поддельной обиды и вполне неподдельного трепета, пришли в движение, и Эгин сказал чуть дрожащим голосом:

– Аррум, мне никогда раньше не приходилось жаловаться на память. И никто никогда не уличал меня во лжи или преступлениях против Князя и Истины.

Это была довольно смелая игра. Но Эгин чувствовал, что простого «Нет, аррум» здесь будет недостаточно.

– Ну нет так нет, – пожал плечами Норо.

И, будто бы речь шла о чем-то совершенно тривиальном наподобие вчерашнего дождичка или завтрашнего снежка, сказал:

– В таком случае благодарю за службу, рах-саванн.

– Простите, аррум... – Эгину показалось, что почва уходит у него из-под ног и он взлетает прямо к Зергведу.

– Да, именно рах-саванн. Конечно, твое новое звание нужно еще по всем правилам провести через нашего пар-арценца... Но уверен, мое представление не встретит у него возражений.

Эгин знал, что не встретит. О своем начальнике он мог рассказать разное – хорошее и плохое, правду и вымысел. Но один факт, связанный с Норо, носил характер совершенно нерушимого закона: все, кого Норо когда-либо представлял к званиям или наградам, получали и звания, и награды. Потому что Норо никогда никого не представлял зря.

– Благодарю вас, аррум, – ретиво и вполне искренне кивнул Эгин. – Рад служить Князю и Истине!

– Ну-ну, ты еще на колено упади. Мы все-таки в городе. Хотя, если хочешь знать, весь наш маскарад... – Норо сокрушенно махнул рукой и продолжил другим тоном: – Уже поздно. Я вот подумал: зачем тебе возиться с этой парашей? – Норо слегка пнул Эгинов мешок с вещами казненного через дуэль Арда. – Я, пожалуй, этим мог бы заняться сам.

«Да они что сегодня – всем Сводом с ума сошли?» – пронеслось в голове у Эгина.

Дело Арда было его личным, Эгина, делом. Когда дело ведется одним человеком, оно имеет особый статус и называется «закрытым». Офицер-исполнитель из соответствующей Опоры, направленный на разработку закрытого дела, ведет своего подозреваемого от начала до конца.

Офицер-исполнитель выясняет круг знакомств подозреваемого, его пристрастия и страстишки, собирает улики и в конце концов представляет плоды трудов своих тяжелых непосредственному начальнику. Если тот признает улики доказательными, подозреваемому выносится приговор.

Если приговор смертный и если по каким-либо причинам публичная казнь представляется противоречащей государственным интересам, все тот же офицер приводит приговор в исполнение. После исполнения приговора (проще говоря – убийства осужденного) офицер Свода инкогнито посещает места, в которых казненный мог хранить крамольные или недвуслысенно опасные предметы, книги, свитки и прочее.

В этом деле было важно вот что: Эгин как эрм-саванн Опоры Вещей отвечал именно за личные вещи Арда. И именно Эгин – никто другой! – должен был провести их полный осмотр при помощи Зрака Истины. После чего всю крамолу требовалось отнести в Арсенал Свода Равновесия, а ерунду наподобие зубочисток, вилок и абордажных топоров сдать государству, то есть казначейству все того же Свода.

Гастрог, который сегодня выгнал Эгина из каюты, вообще говоря, имел на это некое сомнительное право, потому что, будучи аррумом Опоры Писаний, должен был по своему прямому служебному долгу заниматься книгами Арда. Другое дело Норо. Он, конечно, аррум, он его начальник, но разработка вещей Арда – его, Эгина, дело. И ничье больше!

Но сегодняшний день был слишком глуп и длинен. Дуэль, Изумрудный Трепет и встреча с Гастрогом измотали Эгина, как беговую лошадь двенадцать заездов в День Безветрия. В конце концов, если Норо хочет возиться с барахлом Арда, пусть возится.

– Хорошо, аррум, – кивнул Эгин. – Можете забирать все.

– Вот и ладно, – удовлетворенно ухмыльнулся Норо. – Ты умный человек, рах-саванн, и тебе не нужно напоминать, что этого нюанса с вещами Арда на самом деле не было и быть не могло.

– Какого нюанса? – непонимающе улыбнулся Эгин.
Норо расхохотался.

9

Теперь Эгин был налегке. При нем остался лишь сарнод со Зраком Истины, столь любезно подаренным ему Гастрогом, и парой порванных сандалий, которые Эгин счел уместным не включать в число подлежащих досмотру вещей Арда.

Пока легкий двухколесный возок, влекомый по вечерним улицам Пиннарина дюжим грютским бегуном, споро приближался к его дому, Эгин лихорадочно обдумывал странные события прошедшего дня.

«Лосось» Ард окс Лайн был разработан Эгином очень быстро. После первого дурацкого доноса из книгохранилища на Арда поступил куда более содержательный и витиеватый материал от одной вполне благородной девицы (разумеется, брошенной любовницы).

«Склонял к Двойному Сочетанию Устами... Я свято блюла Уложения, но он продолжал свои домогательства... Обещал доставить мне...»

Потом – интереснее. «К исходу второй недели Ард сказал,

что никого не любил так, как меня, и может предложить мне взамен за мою благосклонность бессмертие и неслыханную власть над существом природы...»

Конечно, когда мужчина вымогает у женщины что-нибудь, выходящее за рамки дозволенного Уложениями Жезла и Браслета, он может выдумывать призывы и позабористей, чем «неслыханная власть над существом природы». И все-таки донос бдительной курвы (которая, кстати, наверняка опасалась встречного доноса со стороны Арда) вкупе с первым сообщением из книгохранилища был признан в Своде Равновесия достаточным основанием для расследования.

Впрочем, несмотря на оба доноса, Ард мог оказаться чист, как сам гнорр. Его дворянское происхождение и заметная должность в «Голубом Лососе» давали основания именно для «закрытого» расследования.

Размышляя, с чего бы начать дело, Эгин решил так: плох тот офицер флота, который не боится, во-первых, утонуть, а во-вторых – быть убитым в схватке с цинорскими бандюгами.

Поэтому он, Эгин, на месте Арда, впадая в мрачную пучину Изменений и Обращений, обязательно первым делом постарался бы заговориться от морской стихии и враждебной стали. Эгин следил за Ардом неделю, «знакомясь с клиентом». А потом «Зерцало Огня» – корабль, на котором служил покойничек, ушел в море, охранять Перевернутую Лилию.

Это было как нельзя кстати.

Коллеги из Урталаргиса по требованию Норо, которого Эгин уговорил на Испытание Боем, запустили смегам на Цинор ложное сообщение. Из сообщения вытекало, что «Зерцало Огня» представляет сейчас легкую добычу, ибо лишено своего основного тайного оружия, без которого флагман Отдельного морского отряда – не более чем обычный быстроходный парусник, какие есть в любом флоте Круга Земель.

В одну из ночей на «Зерцало Огня» напали цинорские фелюги.

«Зерцало Огня» не было предупреждено о нападении. Таким образом, Свод Равновесия и Морской Дом заодно получали возможность проверить боеготовность кораблей и воинов «Голубого Лосося».

Операция удалась на славу. Экипаж и абордажная партия «Зерцала Огня» (Ард служил именно в ней) показали себя с самой лучшей стороны. После боя на палубе насчитали тела двадцати восьми цинорских ублюдков. Еще девятеро были взяты в плен.

Расчеты Свода Равновесия и Эгина оправдались – в этом бою Ард дрался в самой гуще схватки. Его нагрудник получил несколько глубоких царапин от цинорских мечей и, главное, – две вмятины от шестопера. Сам Ард отделался синяками благодаря надежной войлочно-веревочной поддевке.

Этого только Эгин и ждал.

В день, когда «Зерцало Огня» под звуки флейт и бара-

банов вошло в пиннаринский порт, на его борт поднялась представительная комиссия Морского Дома, в которой, как и положено, имел место на удивление молодой и красивый казначей по имени Такой окс Сякой.

Ему предстояло досмотреть корабль и имущество воинов на предмет повреждений и определить размеры ущерба. Под именем Такой окс Сякой скрывался сослуживец Эгина, Иланаф, эрм-саванн Опоры Вещей.

Прийти лично Эгин не мог, чтобы не засветиться раньше времени перед Ардом окс Лайном. Такая практика – посылать в ходе дознания своего коллегу вместо себя в случае «закрытого» дела – не приветствуется начальством. Но и не запрещается Уложениями.

Итак, Иланаф на полуптичьих правах какое-то время поковырялся в проломленном фальшборте, заноса в свои липовые бумажки липовую оценку стоимости ущерба (в то время как комиссия, делая безмерно озабоченные лица, выспрашивала подробности боя у команды), а потом перешел к главному. К амуниции.

Нагрудник Арда, получивший в бою повреждения, тоже, разумеется, подлежал описи. И вот тут-то Иланаф с азартным удивлением обнаружил, что вмятины, оставленные шестопером, не имеют ничего общего с обычными повреждениями, которые наносит бронзе ударное оружие.

Обе вмятины располагались рядом в левой верхней четверти нагрудника, служившей защите ключиц. Иланаф пре-

красно знал смертоубийственные свойства ударного оружия и, соответственно, защитные свойства любых доспехов – от магдорнских сложноподборных кольчуг до варварских кож, обшитых любым подручным металлоломом. Иланаф был готов поклясться, что ни бронза самого нагрудника, ни войлочный подбой не могли спасти ключицу Арда от перелома.

Однако офицер «Голубого Лосося» нервно прохаживался в нескольких шагах от него, преспокойно размахивая обеими руками. Вывод был однозначен: на нагруднике лежало одно из заклятий Изменения.

Разумеется, казначей Морского Дома ничего подобного заподозрить не мог. И потому Иланаф лишь отметил в своих бумагах «семь авров пятьдесят два аврика» и буркнул «следующий».

Эгину оставалось только проверить предположение своего приятеля.

Нагрудник был изъят под предлогом передачи в мастерские Морского Арсенала. Ну а там уж Эгин без всякой легенды, простым предъявлением опознавательного жетона, добился осмотра нагрудника.

Зрак Истины всегда показывал истину и в тот раз разгорелся нежным малиновым пламенем. Все. Конец дела.

«Владение, злоупотребление, создание, передача, продажа, злонамеренный поиск и любые иные доказанные соприкосновения с Обращенными, Измененными и Не-Бытующими вещами в отсутствие отягчающих обстоятельств карают-

ся простым прямым умерщвлением виновного».

Хроника расследования промелькнула в голове Эгина за считанные мгновения. Он видел дело целиком и полностью, во всей его нерасчленимости и полноте, словно вазу из желтого хрусталя или обнаженное женское тело. Но вот дальше по вазе побежали трещины, а на теле проявилось неприглядное изъязвление.

Во-первых, Гастрог. Допустим, делом Арда параллельно занималась Опора Писаний. Такое случается редко, но все же случается.

Что делала Опора Писаний, чтобы со своей стороны выйти на Арда? Она имеет своих людей в экипаже «Зерцала Огня»? Или, еще лучше, агенты старшей Опоры есть среди подчиненных Норо, то есть его, Эгина, друзей?

Или офицеры Опоры Писаний вообще ничего не делали до того самого момента, пока Эгин не привел приговор в исполнение и не явился на досмотр личных вещей Арда?

Допустим, так. Но откуда Гастрог получил о нем столь исчерпывающие сведения? В особенности о его производстве в рах-саванны?

«Остановись, – приказал себе Эгин, как учил его некогда однорукый Вальх, наставник по логике и Освобожденному Пути, – остановись и начни сначала. Не ищи сложного там, где его нет. Ищи простоту».

Хорошо, будем искать простоту.

Да, Гастрог имеет своего человека на борту «Зерцала Ог-

ня». Да, этот Гастрог имеет своего осведомителя и в Опоре Вещей. Вообще, могущество аррума из Опоры Писаний трудно себе вообразить. На весь Пиннарин небось этих аррумов всего десять—двенадцать. Выше них только пар-арценц Опоры Писаний, гнорр Свода Равновесия и, в некотором смысле, аррумы Опоры Единства. Но об этих вспоминать просто нельзя, ибо слишком страшно.

В глубине сознания Эгина вспыхнул и был волевым усилием погашен образ виденного один раз в жизни Жерла Серебряной Чистоты. Эгин против своей воли поежился.

Итак, Гастрог весьма могуществен. Ему, возможно, известен его, Эгина, послужной список. Поэтому насчет рах-саванна тот мог брякнуть просто наобум – ведь ясно же, что в ближайший год Эгина действительно так или иначе произвели бы в рах-саванны. Но у него просто не укладывалось в голове, что аррумы Опоры Писаний способны что-либо «брякать наобум».

Дальше было еще хуже. Похотливые писания Арда (вполне обычные) и вдруг – непонятный рисунок на последней странице (совершенно необычный), Изумрудный Трепет, испорченный Зрак. И – странное требование Гастрога промолчать об этом перед Норо.

«Свой Зрак даже отдал, лишь бы Норо ничего не узнал. Добрый дядя? Едва ли. Наверняка если бы действительно видел возможность и необходимость убить – убил бы. Даром что мы оба из Свода Равновесия и „работаем ради общей

священной цели“.

Ну хорошо, допустим аррумам Опоры Писаний можно и не такое. Но Норо каков! Проигнорировал рассказ о Гастроге, произвел меня в рах-саванны, отобрал недосмотренные вещи Арда и был таков. И опять же – молчи, молчи, молчи.

Ну и молчу, ну и Шилол на вас на всех!

Эгин расплатился с возницей. Он стоял перед домом Голлой Обезьяны по Желтому Кольцу, перед своим родным домом, и был совершенно спокоен. Если не можешь понять жизнь – отршись от непонимания и стань счастлив.

Эгин, рах-саванн Опоры Вещей, двадцати семи лет от роду, обладатель зеленых глаз и обаятельной улыбки, был счастлив.

Глава 3

Вербелина исс Аран

1

– ...то была аспадская гадюка. Я тогда не знал, конечно. Но боль, Кюн, какая это была боль! Я думал, у меня глаза лопнут. Но потом я смекнул: какого ляда мне подыхать в этом нужнике? Пусть лучше гадюка подышает...

Кюн промычал что-то. Сошло за вполне сносный ответ или хоть демонстрацию заинтересованности. Амма продолжал:

– ...короче, я ей отрезал голову и бросил в дырку. Но вот рука стала напухать просто на глазах. И что мне с того, что змея сдохла? Тут бы самому не сдохнуть. Ну я тогда вспомнил, как меня дядька учил – вылез оттуда, ну вот так, прямо на карачках вылез, даже портков не успел натянуть, и в кусты. А уже смеркается – ничего не видно. Ну, в общем, когда у меня уже желчь ртом начала идти, я поймал-таки жабу. И, как учили, приложил ее к ранке. Она тут же околела. А у меня уже перед глазами круги пошли всякие, как радуга. Но тут еще одна жаба. Я ее тоже так – к ранке. Тоже сдохла. В общем, сам не помню, что дальше было. Очнулся на сле-

дующий вечер в лощине, а вокруг жаб – ну точно дожина. Или даже больше...

Кюн оживленно замычал. Он взял в рот указательный палец и стал сосать его с усердием годовалого малыша.

– А-а, это! – уразумел наконец Амма, и выражение озабоченности сменилось на его лице снисходительной улыбкой. – Не-е. Отсасывать яд было ни в коем случае нельзя. Ты хоть видел когда аспадскую гадюку?

Кюн отрицательно замотал головой.

– Если хоть каплю проглотишь случайно, или если там во рту какая царапина, то тут уж точно сдохнешь что твоя собака людям противная... – философично заключил Амма и настороженно посмотрел на дверь.

Эгин, находившийся как раз за дверью – ведущей в людскую, где и происходило общение Аммы с Кюном, – усмехнулся.

Мастерством Кюна, своего конюха и отчасти прачки, Эгин восхищался с самого первого дня его службы. Разумеется, тот все прекрасно слышал и наверняка отлично объяснялся. В тех случаях, например, когда рассказывал о причудах хозяина, гиазира Атена, своему начальнику из Опоры Единства. Но отличить Кюна от глухонемого, не настроиваясь специально на то, чтобы уличить его в обмане, было практически невозможно.

Хотя Эгин расколол Кюна давным-давно, он не подал виду. Пусть наблюдают. Пусть изображают глухонемых и тупо-

ватых. Лишь бы слугами были хорошими.

А на слуг Эгину, или, если угодно, чиновнику иноземного дома Атену окс Гонауту, грех было жаловаться. Он решительно распахнул дверь в людскую, где застыли в настороженном безмолвии Амма и Кюн.

– Ваша лошадь, милостивый гиазир, уже готова! – вскочил Амма.

– М-м... – промычал Кюн, партию которого только что уже исполнил его товарищ, и в его глазах блеснули искорки поддельного раболепия.

– Я отлучусь на денек в горы. Или на два денька... – небрежно бросил Эгин.

Пусть теперь в Опоре Единства ломают головы, что же он собирается делать в этих самых горах и отчего это в последнее время гиазир Атен окс Гонаут вошел во вкус затяжных конных прогулок. Такая у них работа, Хуммер их раздери, – ломать головы.

2

Наверное, было бы куда умней просто лечь спать. Но «умнее» не значит «лучше». Прошедший день был настолько богат событиями и впечатлениями, что Эгин был уверен: ему не заснуть до рассвета. Не заснуть, если придется провести ночь в постели одному. А это значило, что навестить госпожу Вербелину исс Аран просто необходимо.

Он спустился в конюшню. Для «горной прогулки» Кюн приготовил Луз, серую в яблоках кобылу.

Эгин вывел ее под уздцы на улицу и лихо вскочил в седло. Он легонько тронул бока лошади пятками и был готов пройти на рысях Желтое Кольцо, как вдруг перед самым носом лошади возникла фигура мальчишки-посыльного. Таких в варанской столице величали «шмелями».

Желто-оранжевый колпак, черный кафтан, штаны и рукава – «фонариком» с желто-коричневыми вставками. Из пышных одеяний торчат две тоненькие мальчишески ножки и такие же хилые ручки. Словно лапки шмеля.

– Милостивый гиазир Атен?! – бойко прокричал храбрый «шмель», одной рукой похлопывая Луз по морде, а другой извлекая из-за пазухи письмо.

– Все верно, – кивнул Эгин, нашаривая в сарноде мелкую монету. Стыдно не дать «шмелю»-трудяге пару лишних авриков на сладкую тянучку.

– Это вам. – Мальчик подпрыгнул, держа в протянутой руке письмо.

– Будь здоров! – улыбнулся Эгин.

Скороход, прикарманив два медяка, скрылся за углом. Как и не было его.

«Будь здоров, любезный Атен окс Гонаут. Надеюсь видеть тебя своим гостем завтра вечером», – вот ради чего мальчишка-«шмель» несся сломя голову по столичным улицам.

Две строчки, нацарапанные корявой рукой Иланафа. Ко-

нечно же, Иланафа. Кто еще, кроме него, вместо подписи рисует чашку для вина со схематически исходящими из нее алкогольными испарениями, похожими на взлетающих глистов?

«Ну что ж, значит я вернусь завтра днем», – подумал Эгин, заранее потешаясь над вытянувшимися рожами Кюна и Аммы, которые наверняка отложат всю работу по дому на завтрашний вечер. А день, благословенный отсутствием хозяина, посвятят игре в кости.

Иланаф или, как принято было звать его «в миру», смотритель публичных мест Цертин окс Ларва собирается устроить дружескую пирушку.

Что ж, тем, на кого опирается Опора Вещей, тоже не чужды простые человеческие радости. Хорошая выпивка, например.

И Вербелина... И Вербелина, – своеобразным эхом отдавался в ушах Эгина цокот лошадиных копыт по мощеной дороге, змейкой уходившей вверх между растрескавшимися каменными всхолмьями к западу от столицы.

3

Собачий лай. Возня. Когти скребут о дерево. Резкий запах псины.

– Ждите, – процедил привратник через смотровое окошко в основательных воротах поместья «Сапфир и изумруд».

В первый раз такое сдержанное отношение к собственному приходу несколько разозлило Эгина. Что это за отношение к благородным мужчинам – «ждите»? Нет бы пригласить внутрь, предложить крюшону...

Но со временем Эгин привык к этому церемониалу и даже начал считать его вполне разумным. В самом деле, одинокая молодая вдова, живущая в уединенном поместье к западу от столицы в обществе пяти нерадивых слуг, должна ревностно оберегать свой покой. В частности, не пускать за ворота кого попало.

– Госпожа Вербелина изволит отдыхать, – процедил тот же привратник. – Но она велела передать вам, что рада вашему приходу и выйдет к вам спустя некоторое время.

Эгин спешил. Да, он приехал без предупреждения. Его здесь, конечно же, не ждали. Вербелина спит.

Одна? Или с кем? Все равно могли бы впустить его внутрь, а не заставлять перетаптываться с ноги на ногу у ворот: ясно ведь, что он не разбойник.

Впрочем, Эгин и сам не слишком рвался входить. Перетаптываться по другую сторону ворот в обществе «милых песиков» госпожи Вербелины ему хотелось еще меньше.

Луз испугано фыркала. Для нее каждый визит Эгина в «Сапфир и изумруд» был тяжелым испытанием. Видимо, она тоже не слишком симпатизировала питомцам любовницы своего хозяина.

– Здравствуй, миленький. – На Вербелине был кружевной капот и соболья накидка, под которую словно невзначай сразу же скользнули пальцы заждавшегося у ворот Эгина. – Проходи.

Слуга взял под уздцы недовольную и напуганную Луз, а Эгин подхватил под руку Вербелину.

Зная об антипатиях Эгина, Вербелина велела своим людям загнать собак на псарню. Но, следуя по укутанным тьмой дорожкам поместья к неосвещенному дому, Эгин никак не мог отделаться от мысли, что оттуда, из темноты, за ним наблюдает множество враждебных глаз, чей взгляд не обещает ничего хорошего.

Нет, он не боялся собак. Но питомицы его подруги были какими-то не такими собаками. Или не собаками вовсе.

Эгин поцеловал Вербелину в лебединую шею – белоснежную, надушенную. Нужно было как-то развеять неуместную гадливость, каждый раз накатывавшую на него, когда ворота поместья захлопывались за его спиной со зловещим металлическим щелчком. Как будто дверцы мышеловки.

– Я уже велела нести ужинать. Все в порядке, Атен? – с обаятельным смущением в голосе, которое временами казалось Эгину наигранным, прощбетала Вербелина.

– Умгм, – отвечал тот, при свете лампы разглядывая ак-

куратную головку Вербелины.

Черные как смоль пряди были тщательно завиты и уложены прихотливыми кольцами. Драгоценные заколки и инкрустированные костяные гребни тускло поблескивали, отражая и искажая пламя. Волосок к волоску.

«Волосок к волоску, – подумал Эгин. – Она же вроде спала? Неужели она успела причесаться снова, когда обо мне доложил привратник? А если не спала, то...»

– Не будь таким мрачным, милый, – шепнула ему Вербелина, когда слуга внес поднос с вином и фруктами.

5

Эгин приехал к Вербелине с одной-единственной целью. Оба знали, что это за цель. Он не любил ее, но любил думать, что она любит его. Он, конечно же, ошибался.

– Твоя красота заставляет меня трепетать, словно школяра. – Тяжеловесность своего комплимента Эгин решил уравновесить легкомысленной улыбкой.

Он поднял чашу с вином и, послав Вербелине воздушный поцелуй, пригубил первым.

Вербелина засмеялась и тоже прильнула к чаше.

Когда она смеялась, Эгину всегда становилось немного не по себе. В особенности когда она смеялась над тем, над чем сам Эгин смеяться бы не стал – над уродливо залатанным платьем перехожего попрошайки, например.

Смех ее был гортанным, низким, с легкой хрипотцой. В то время как ее голос был высок и чист, а интонации ее речи казались многим – как поначалу и Эгину – простодушными. Но вот когда она смеялась, от этого мнимого простодушия не оставалось и следа. Смех Вербелины был смехом умудренной жизнью, циничной и жестокой придворной дамы.

«А что, собственно, странного? Ей уже двадцать девять, она не родила ни одного ребенка, коротает дни в компании омерзительных псов, наверняка сходит с ума от скуки. Это – правда, сколь бы ни была она нежеланна».

Мало-помалу разговор стал угасать, вина в кувшине становилось все меньше и меньше.

Эгин рассказывал Вербелине какие-то байки из репертуара Иланафа, а Вербелина принужденно ахала. Чувствовалось, что она не верит ни единому слову Эгина, хотя вроде бы смеется от души.

«Это в обычае у умных женщин», – сокрушенно вздохнул Эгин, украдкой заглядывая в не слишком целомудренный вырез ночного платья госпожи Вербелины исс Аран.

– Хочешь, я станцую? – спросила Вербелина.

– Ты же знаешь, я всегда хочу, – двусмысленно ответил Эгин.

6

Эгин считал себя человеком равнодушным к искусствам

и зрелищам. Но когда Вербелина исс Аран танцевала...

Она была гибка словно змея. Подвижна словно ласка. Благородна словно лебедь. Эгин подозревал, что Вербелина, вопреки стараниям казаться аристократкой, вопреки теперешнему имени через «исс», происходит из безродной и малосостоятельной семьи. Но когда она танцевала, он был готов поверить в обратное.

Музыки, разумеется, не было; Вербелина танцевала в тишине. Но иногда Эгину начинало казаться, что он начинает слышать витийствования невидимых флейт и глухой ритм незримых барабанов, а иногда и треньканье малой лютни. Конечно, всего лишь плод фантазии, даже не магии. Но иногда этот плод казался настолько спелым, что искушение протянуть руку и сорвать его перевешивало доводы рассудка.

Вербелина медленно кружилась на месте. Плавные движения ее рук напоминали Эгину о тех ласках, какими могла бы осыпать его эта черноволосая женщина. Могла бы, если бы не одно «но». Если бы не Уложения Жезла и Браслета, тяжким молотом занесенные над ласками всех благородных и неблагородных любовников Варана. Но танцевать, к счастью, Уложения не запрещали. И фантазировать тоже.

Теперь Вербелина обнажила свои стройные ноги и, словно кошка-охотница, подошла к блаженствующему Эгину. На ее лице играла соблазнительная улыбка. Еще пара движений – и кружевной капот вместе с ночным платьем осели на пол складчатой кучей шелков.

Эгин закрыл глаза. Танец еще не кончился, конечно.

Но там, по ту сторону век, он не увидел обнаженной танцующей Вербелины, на тонких запястьях и щиколотках которой нежно позвякивали золотые браслеты. Там было нечто совсем другое.

Танец его подруги пробудил недавнее воспоминание. Кажется, это было, когда он навестил «Сапфир и изумруд» в пятый раз.

Тогда псы рвались с цепей яростно и настойчиво. Выли, лаяли и как-то очень по-человечески постанывали. Они с Вербелиной проходили по саду мимо псарни. Почуввав приближение хозяйки, псы стали усердствовать пуще прежнего, а унюхав чужака Эгина – утроили тщание.

Вербелина, извинившись перед Эгином, опрометью бросилась на псарню, объяснив ему, что должна, ну просто обязана успокоить своих питомцев.

Она пробыла там довольно долго. В конце концов Эгин не выдержал и, поборов неприязнь, направился вслед за хозяйкой поместья. Кажется, его появление было большой неожиданностью для всех. И для Вербелины.

Нет, он не подкрадывался и не скрывался. Видимо, привычка ходить без лишнего шума невольно сделала свое дело – его не заметили. Три десятка огромных, тупомордых псов с палевой шерстью окружили Вербелину кольцом. Платье на ней было распахнуто. Маленькая, но такая прелестная грудь с медальоном между ключиц была выставлена на обозрение

скалящихся гадин.

«Я станцюю вам вечером, я обещаю, обязательно станцюю», – говорила Вербелина. Впрочем, Эгин не мог ручаться, что она говорила именно это. От дверей до того места, где стояла тогда она, было довольно далеко. Он мог слышать сказанное не вполне правильно...

«И все-таки это странная привычка – обещать что-то собакам. Я, конечно, тоже иногда болтаю с Луз. Но ведь я совершенно уверен в том, что кобыла меня не понимает...» – подумал Эгин, прежде чем снова открыть глаза.

– Тебе нехорошо?

– Наоборот – мне хорошо. Ты прекрасно танцуешь, – шепнул ей в ответ Эгин, и его руки обхватили тонкую талию Вербелины кольцом страсти – оно, кажется, еще не запрещено. А его жадные губы поцеловали ее правильный впалый пупок.

Словно бы по волшебству масляная лампа стала чадить, тускнеть и спустя минуту погасла.

7

Теперь уже совсем плохо верилось, что когда-то в Варане было время, когда никто ничего не запрещал и самих слов «Крайнее Обращение», «Малое Обращение» или, например, «Обращение Жен» просто не существовало.

«Такого не может быть», – думал Эгин, хотя и знал доподлинно, что такое время было. Было, Хуммер его раздери!

Ведь и теперь существуют же земли, где мужчина имеет право наслаждаться своей женщиной так, как ему заблагорассудится. А правители и законы предоставляют им это право, стыдливо отводя глаза – мол, дело личное...

Было или не было – не важно. Важно, что сейчас, когда он поцеловал Вербелину в губы, поднял ее изящное, слегка пахнущее потом и цветочными благовониями тело на руки, он должен помнить лишь о том, что есть.

И как офицер Свода Равновесия, и как Атен окс Гонаут, и как Эгин. Вербелина тоже должна помнить об этом и лежать не шевелясь. В конце, согласно правилам, ей будет позволен один тихий вздох. И все.

Никаких скрещенных за шеей Эгина ног. Никаких «итских поцелуев» и прочих вольностей. Только лежать тихо и стараться получить удовольствие. Или не получить неудовольствия. В такие тонкости Эгин не был намерен вникать.

Постель Вербелины носила следы недавнего пребывания в ней своей хозяйки. Рядом на специальной подставке покоилось богатое платье госпожи, которое она, видимо, намеревалась надеть утром. Туда же, поверх него, полетела и одежда Эгина. Его меч Вербелина, сверкнув белоснежными ягодицами, водрузила в когтистые лапы подставки, стилизованной под раскинувшего крылья нетопыря.

Сидя на постели, Эгин со всевозрастающим интересом наблюдал за последними приготовлениями.

В тот момент более всего на свете ему хотелось оказать-

ся невинным и невежественным человеком, рожденным где-нибудь в горах Гэраян, которому неведомы пагубные свойства «сочетания устами». Которому не известно, какое наказание полагается каждому, дерзнувшему сочетаться таким, а не благопристойным способом со своей подругой.

О да, он, выкормыш Свода Равновесия, недаром штудировал фолианты Уложений. Он прекрасно представлял себе, что это за сочетание, благодаря гравированным вставкам и иллюстрированным атласам из Особого Хранилища Обращений.

Пускался ли он, Эгин, в «грютский галоп» хоть раз в жизни?

Увы, нет, милостивые гиазирь.

8

Вербелина была порою не прочь отужинать в собственной постели. Крошки, которые остаются от сухих сладких хлебцев, смешно покалывали бок Эгину, пока его рука ласкала девичью грудь Вербелины.

– Поцелуй меня, – прошептала она.

Разумеется, он исполнил просьбу своей госпожи. И госпожа, похоже, была ему весьма и весьма благодарна. Эгин не сомневался в том, что Вербелина без ума от него. Ибо в противном случае во имя чего стоило бы принимать его ухаживания?

Он был небогат, не знатен и не слишком внимателен. Он не обещал жениться на ней после дождичка в День Безветрия. Он не мог позволить себе дорогих подарков и пышных выездов во славу своего обожания. Он, в конце концов, терпеть не мог ее псин, которых она звала не иначе как «мои сладенькие». А потому единственным оправданием их связи была взаимная плотская приязнь.

Во что бы вылилась она, не будь Уложений Жезла и Браслета, не ведомо никому. Но в ту ночь ни один из них не преступил закона.

Эгин вошел в нее медленно и настойчиво. Она была терпелива и сдержанна. Он целовал ее плечо и медальон, который был ей весьма к лицу. Она, вооруженная многолетним опытом практического целомудрия, гладила его заросшие белесыми волосками ягодицы пальцами правой руки. В этом не было ничего запрещенного.

Эгин, который был уверен в том, что по крайней мере двое из пяти слуг в поместье «Сапфир и изумруд» являются мелкими доносчиками Свода Равновесия и по меньшей мере один из них сейчас подглядывает за развлечениями своей госпожи через специальный глазок (который невесть где у нее в спальне притаился), был совершенно спокоен. Они не нарушили ничего. Ни-че-го.

Откровенно говоря, Эгин не ожидал, что Вербелина заснет так быстро. Она прикорнула на его плече сразу после того, как прозвучали финальные аккорды действия. Эгин намотал на палец черную прядь ее волос – они пахли целебными травами и духами.

Дыхание Вербелины было ровным. Похоже, она действительно провалилась в сон, даже не пожелав своему мужчине спокойной ночи. Глядя на спокойное лицо своей лилии, на ее губки с детской припухлостью, Эгин был вынужден с сожалением признать, что ее красота не оставляет его равнодушным даже сразу после танца любви. Он отвернулся.

Под окнами завыл пес. Ему ответил другой. «Их что здесь, на ночь отпускают, что ли?» – спросил себя Эгин. Ну не затыкать же уши!

Скрип половиц за дверью. Тот, кто подглядывает, делает это не слишком профессионально. «Гнать таких надо взащей из Свода Равновесия», – брюзжал внутри Эгина офицер. Этот кто-то – Эгин подозревал, что тот самый седобородый привратник, который принял у него Луз, – вел себя довольно беззастенчиво. Громко дышал, терся о дверь и... приняхивался, что ли?

«Да сколько можно, о Шилол Семижды Потаенный!» – в сердцах выругался Эгин. Бесшумно и быстро он встал с ло-

жа, переместив головку Вербелины со своего плеча на атласную подушку.

Принял свой меч из когтистых лап чугунного нетопыря и медленно пошел к двери. Половицы были к нему милосердны – ни одна из них не выдала его, словно бы даже дерево втайне болело за торжество справедливости, воплощенной в гиазире Эгине.

Но несмотря на это, наблюдатель все-таки почувствовал приближение опасности или, скорее, позора, ибо Эгин, конечно, не стал бы убивать слугу своей госпожи, даже уличенного в шпионаже. Почувствовал и стал медленно удаляться от двери, по-прежнему немилосердно скрипя половицами.

«Странное дело. Ходить бесшумно не умеет, а мое приближение почуял», – пожал плечами Эгин.

Теперь у него уже не было сомнений в том, что слуга его заметил, вот и дает деру. «И все же кто это?» – вот что теперь было важно Эгину, коль скоро эффектного розыгрыша не получилось. Жаль, можно было бы рассказать завтра Онни, Иланафу и остальным.

«Представьте себе сцену, милостивые гиазире! Я открываю дверь, а там этот недоделанный стоит рачмя и подглядывает в замочную скважину, высунув язык от любопытства». И дальше в таком вот духе. Только позабористей и с массой выдуманных, но очень пикантных подробностей.

Ну что ж. Его обнаружили, а значит, таиться бессмысленно. Эгин мгновенно преодолел расстояние, отделяющее его

от двери. Распахнул ее и выскочил в неосвещенный коридор.

Соглядатай тоже теперь не таился. Он бежал к лестнице, выводящей во двор.

Это был не привратник. И не коротышка псарь. И не повариха. И вообще никто из тех, кого Эгину приходилось видеть в поместье «Сапфир и изумруд».

Высоченный рост. Длинные непропорциональные конечности. На голове – что-то вроде ночного колпака. И еще что-то сзади. Ну не хвост же?

Эгин напряг зрение. Еще секунда – и соглядатай скроется на лестнице. Бежать за ним бессмысленно и неловко – Эгин был наг, словно мраморная статуя Мидана окс Саггора в примерочной портного Его Сиятельства.

Соглядатай передвигался очень быстро. И в высшей степени своеобразно. Как будто медведь-шатун. Нет, не медведь. Пес, вставший на задние ноги. Пес? Комок подступил к горлу Эгина. Пес?

«Да нет, никакой не пес. Походка, конечно, ненормальная. Может, один из тех, кто пережил ту самую пытку, когда в коленные суставы вбивают крохотные гвоздики... Вот у него теперь и походка такая...»

Это был редкий случай, когда в голове у Эгина плескалась теплая, бесформенная каша. Он вернулся в комнату. Запер дверь на щеколду. Водворил меч на подставку. Жутковатая рожа чугунного нетопыря, казалось, расплылась в издевательской ухмылке.

«Самое лучшее, что я могу сделать, это заснуть, наплевав на весь этот бред», – сказал себе Эгин.

Он вернулся в постель, где спала и казалась вполне безмятежной госпожа Вербелина.

10

Безмятежной она и впрямь только казалась. Когда Эгин нырнул под балдахин и, припечатав успокоительный поцелуй к обнаженному плечу, отвалился на подушки, стараясь унять легкую дрожь, он понял, что ошибся.

– Что там случилось? – самым тихим из тихих шепотов поинтересовалась Вербелина, а ее влажная ручка стала ласкать живот Эгина в непосредственной близости от непозволительного.

Случилось то, чего Эгин не предусмотрел. Он разбудил ее. Не то когда только выскользнул из постели, не то когда открывал дверь.

– Пустяки, кто-то мешал мне спать, – стараясь казаться сонным, отвечал Эгин.

Вербелина проигнорировала намек, содержащийся в выражении «мешал мне спать». Ее ручка продолжала нахально разгуливать по животу Эгина, а губы Вербелины осыпали поцелуями его грудь. Ее ресницы щекотали его кожу, а ее ноги обвили ноги Эгина словно плющ – стены Староордосской крепости.

Эгин неловко отстранился. Все его мысли – как ни при-
скорбно было в том признаваться даже самому себе – бы-
ли заняты загадочным соглядатаем, колени которого выги-
бались в другую сторону, а торс странно напоминал... напо-
минал...

Да собачий, собачий торс, поставленный на задние но-
ги, он напоминал! И хвост. Такой же обрубленный, как и у
остальных питомцев госпожи Вербелины, которая вот сей-
час пытается склонить его к одному из Обращений.

– Мы никогда не пробовали с тобой ничего такого, – шеп-
тали губы Вербелины, сочась нектаром сладострастия.

– Разве ты не знаешь, чем это чревато, милая? – натужно
улыбнулся Эгин, захватывая в плен блудливую руку своей
подруги.

– Сейчас – ничем. Сейчас – ровным счетом ничем, –
очень-очень тихо ворковала она.

Эгин, не чуждый в общем-то ни любви, ни постельным
нежностям в пределах дозволенного, погладил Вербелину по
волосам. Нет, заниматься любовью сейчас у него, похоже, не
было никакого желания. И Вербелина, несмотря на все свои
незаурядные старания, должна уяснить это. Какие у нее все-
таки жесткие волосы.

Впрочем, отказываться вот так с ходу от запретного ла-
комства, которое предлагает тебе хорошенькая женщина...
Нет, Эгин был мужчиной, в первую очередь мужчиной, а уж
потом – офицером Свода Равновесия. Умом он уже согла-

сился на одно, совсем небольшое отступление от Уложений Жезла и Браслета. Но только умом.

И все же ласки Вербелины оставляли его тело равнодушным. С другой стороны, это лишь раззадоривало его подругу.

– Атен, Атен, Атен, – шептала Вербелина, и ее губы, почуввав странную, беспричинную вседозволенность, гуляли по всему телу Эгина. – Мне нравится твое имя, милый, – улыбнулась она, вынырнув наконец из-под покрывала.

«И назвал меня Эгин», – некстати, совсем некстати пронеслось в голове у Эгина.

– Хм... Я рад... – сподобился ответить Эгин.

Даже теряя девственность в веселом доме в возрасте шестнадцати лет, когда его первая женщина, будучи старше его вдвое, объясняла ему, как готовить фаршированного кролика, он не говорил ничего столь же неуместного. Тогда ему по крайней мере хватало ума не поддакивать.

11

За окнами спальни занимался рассвет. Чернота уступала место серости дня, который обещал быть пасмурным. Эгин бросил на свою подругу испытующий взгляд.

О да, она хороша. О да, она старательна. О да, она предлагает ему Обращение.

Но, увы, он не может воспользоваться ни первым, ни вторым, ни третьим.

– Ты не любишь меня больше? – Вербелина ложится поверх него на мужской манер.

Эгин чувствует неловкость.

– Я – люблю. Но дело не в этом, – отвечает Эгин, запечатывая уста своей подруги поцелуем.

– Я люблю ездить верхом, – продолжает бесстыдная Вербелина.

Эгин улыбается. То, что было еще сослагательно возможно начертать черной тушью ночи, становится все более и более ненаписуемым выцветающими белилами утра.

– Это хорошо, это очень хорошо, – говорит Эгин, оставляя намек без внимания, но и не отвергая его.

Может, все еще переменится?

Становится все светлее и светлее. Он никогда не занимался с ней любовью днем. Она никогда не танцевала днем. Они вообще редко встречались днем. Все больше вечером.

Эгин старательно ищет в себе силы полюбоваться своей подругой. Обнаженная красавица в дымке утра. На теле ни жиринки. Ни одного лишнего волоска. Гладкая ухоженная кожа. Нет ни одной морщинки. Ни на шее, ни на лице.

И волосы. Хуммер ее раздери! По-прежнему волосок к волоску. Даже гребни, шпильки и заколки с сапфировыми глазками на тех же местах! Как это им удастся, сохранять прическу в таком порядке даже после ночи любви?

Но Эгину лень думать об этом. Он уже чувствует, как стараниями Вербелины в его чреслах медленно, но неумолимо

расцветает прихотливый тюльпан желания. Еще немного – и он согласится на все, что угодно. На все, что предложит ему Вербелина. Еще немного – и ему будет наплевать на подозрения, которые мучили его все четыре месяца связи с Вербелиной. Он простит ей все – и ее омерзительных, огромных псов, и ее привратников, и соглядатаев, таких странных соглядатаев поместья «Сапфир и изумруд».

Вот его губы уже шепчут «я люблю тебя, моя девочка», а взгляд становится грустным и ничуть не снисходительным. Вот уже его жадные пальцы треплют ее кудри. Такие богатые, цвета воронова крыла кудри, уложенные в соблазнительную прическу дамы из высшего сословия. Она сделала ее ради него. Но она отстраняется. Зачем? Наверное, чтобы раззадорить его еще больше.

– Так, значит, грютская скачка? – не то вопрошая, не то утверждая, шепчет Вербелина.

Эгин кивает. Грютская скачка? Да хоть грабеж со взломом. Да хоть Крайнее Обращение. Теперь он согласен почти на что угодно.

Его рука обхватывает лебединую шею торжествующей Вербелины. Волосы пахнут горными травами. Чабрецом, арникой, шафраном. Ему нравится этот запах.

Почему они ни разу не решились на это раньше?

Но тут его указательный палец находит на затылке подруги небольшое уплотнение. Что-то вроде шрама. Осторожно, чтобы не возбудить подозрений, он проводит двумя пальца-

ми вдоль шрама.

Улыбка медленно сползает с его лица, обнажая маску растерянности и брезгливости. Нет, это не шрам. Это нижний шов парика, милостивые гиацинты.

«Волосок к волоску», – стиснув зубы, произносит про себя Эгин.

12

– Что случилось, милый? – испуганно спросила Вербелина, когда Эгин встал с ложа и решительно направился к своей одежде, брошенной поверх богатого платья его подруги.

– Я что-то сделала не так? – Глаза Вербелины наполнились фальшивыми слезами.

– Атен, ты что же, вот так и бросишь меня? – спросила Вербелина, а ее правая ручка воровато шмыгнула на затылок, как бы невзначай, как будто бы поправить гребень.

Эгин следит за ней искоса, поправляя пояс и ножны. Да, конечно. Он был слеп, глух и глуп. Непростительно для человека из Свода Равновесия. Слишком наивен – даже для чиновника Иноземного Дома.

Разумеется, его хотят подставить. Это, к сожалению, очевидно. Эта девочка носит черный парик. Сначала волосы выдергивают у трупа в мертвецкой, затем из него делают такой вот замечательный парик, какой сейчас на Вербелине.

Кто занимается выдергиванием волос у трупов? В Варане

– только его коллеги из Свода Равновесия, и никто больше. Своду Равновесия нужно много разных качественных париков. Гораздо больше, чем всем модницам Пиннарина. По каковому случаю частное изготовление париков в Варане запрещено.

Вербелина носит черный парик. Это значит, что сама она отнюдь не черноволоса. Выходит, волосы Вербелины цвета меди. Или цвета спелой ржи. Забавно, очень забавно.

У нее любознательные и понятливые собачки. О да, такие понятливые, что они даже расхаживают ночами по имению на двух ногах и подсматривают в дверные щели. Под ночными колпаками – острые уши, под масками – острые морды.

Она говорит с ними, а они ее понимают. Ему, Эгину, это кажется странным. А вот Норо окс Шину, его непосредственному начальнику, – нет.

«Разберемся, разберемся, – сказал по этому поводу Норо окс Шин. – Точнее, коллеги из Опоры Безгласых Тварей разберутся». Тогда Норо был весел и спокоен, это Эгин помнит.

А почему Норо был спокоен? Да потому, что он прекрасно осведомлен о том, чем занимается Вербелина. Чем бы она тут ни занималась со своими псами, Норо об этом известно. Может быть, Свод Равновесия делает услугу Вербелине, а Вербелина – Своду. Дескать, мы не трогаем твоих псов, а ты проверяешь наших людей на вшивость.

И не только «наших» людей. Может быть, всех, кого скажут. Куда, интересно, подевались двое мужей этой славной

черноволосой госпожи? Один из них оставил её вожде ленное «исс», которым она украсила свое низкородное имя, и исчез. Другой одарил свою супругу поместьем и слугами. А потом тоже исчез.

А куда подевались предыдущие любовники этой госпожи? Он, Эгин, не идиот, чтобы полагать, что он у нее первый. И почему у этой замечательной моложавой красотки нет детей? А если есть, то где же они?

Это очень приятно – полюбить женщину. А еще приятней в один прекрасный день, а точнее, в одну паршивую ночь – в той части, где она сливается с рассветом, – узнать в этой женщине коллегу из Свода Равновесия. Коллегу, работающего против тебя даже в постели.

Эгин тихо затворил дверь, даже не посмотрев в сторону всхлипывающей Вербелины. Хлопанье дверями в Своде Равновесия не приветствуется.

Он сам оседлал Луз. Сам открыл ворота. И, прищпорив сонную кобылу, понесся по дороге, не оглядываясь. Не ровен час столкнешься взглядом с умной двуногой собакой, следящей за тобой из кустов боярышника и попивающей новоордосское вино из серебряной фляжки. Не смешно.

Сомнений нет – она хотела склонить его к Обращению, а затем порадовать милостивых гиазиров из Опоры Благодравия. Или даже лучше. Бдительный аррум Гастрог лично дал ей указание поступить так, дабы подвергнуть Эгина испытанию, которое, конечно же, окажется не в его пользу, и полу-

чить предлог, чтобы уничтожить его по всем правилам...

Впрочем, в последнее Эгину мало верилось. Он прекрасно знал, что если Свод Равновесия желает уничтожить своего человека, то не нуждается ни в предлогах, ни в правилах.

Итак, она интриговала против него.

«Впрочем, – заметил Эгин, когда дорога вышла из лесу, внизу замаячили окраины Пиннарина и на душе стало легче, – я не могу сердиться на Вербелину, ведь я сам донес на нее Норо, когда застал ее, полуобнаженную, за увещеваниями на псарне. Такая служба».

Глава 4

Вечеринка

1

– Мракобесие чистойшей воды! Но, если хотите, я считаю все эти штуки наподобие «летающих когтей» и рогатых метательных секир таким же мракобесием! Махровым мракобесием! – довольно агрессивно разглагольствовал Онни, самый молодой из присутствующих.

Все присутствующие были младшими офицерами Опоры Вещей.

Отчего-то при каждом новом повторении слова «мракобесие», не иначе как прилепленного к его языку оружейным клеем, он отставлял свою чашку с вином и прикладывал указательные пальцы ко лбу наподобие рогов. Со стороны это выглядело комично, чем не мог не воспользоваться Иланаф.

– Рогатым мракобесием, правильно, Онни? – иронично, словно бы заискивая, подсказал он.

Ирония ускользнула от изрядно захмелевшего Онни. А потому он, не чувствуя подвоха, перевел на Иланафа помутневший взгляд и подтвердил:

– Именно это я как раз хотел сказать.

Все прыснули со смеху. Эгин, разумеется, тоже смеялся. Но никто из его товарищей не подозревал, каких трудов ему стоило это веселье.

Он проспал как убитый весь прошедший день. Это было для него внове – две нормы сна за один «всхрап»! И вот теперь прихлебывающему согретое белое вино Эгину, чей мозг был затоплен многочисленными и беспорядочными обрывками новых впечатлений, казалось, что мир как-то подозрительно подмигивает ему со всех сторон.

– А потому я и говорю, что ты хоть с абордажными топориками, хоть с «волчьим зубом», хоть с иглохвостом против меня иди. Если я с мечом – капец тебе, не много и не мало. Капец, потому что это мра-ко-бе-сие.

– Ну не скажи, не скажи, – нарочно возражал Иланаф. – А если он тебе раньше все лицо «летучими лотосами» изуродует? На тебя ни одна баба потом не глянет, будь она даже страшнее жабы. И твой меч тебе уже не поможет.

Разговор шел, как обыкновенно бывало под конец таких пьянок, о сравнительных достоинствах различных видов оружия.

И хотя мнения всех присутствующих были известны и, что самое любопытное, совпадали по большинству вопросов, на остроте споров это никак не сказывалось.

Сейчас Онни играл партию «простака», поливая отборной руганью всякие летающие диковины. Такие, например, как ножи с выскакивающими лезвиями или метательные се-

киры, выполненные в форме двух пересекающихся молодых лун из отличной стали. А Иланаф упивался ролью зрелого аналитика, взвешивающего все «за» и «против», прежде чем высказаться, ссылаясь на авторитет своего бывшего наставника Эрпореда.

Эгин понимал, что с таким же успехом Иланаф мог ругать все, кроме меча, а Онни упрекать его в скудоумии и узости взглядов. Таковы уж у них, в Своде Равновесия, представления о веселье.

2

– Я вижу, любезный Эгин повесил нос, – встрепенулся Онни, когда разговор в очередной раз зашел в тупик. – Хуммер меня раздери, если я, получив рах-саванна, буду так же похож на гнилую тыкву, как и он!

В душе Эгина как будто оборвалась струна. Каждый раз, когда его называли Эгином, а не Атеном окс Гонаутом, в его душе обрывались струны, а на сердце скребли кошки. И хотя умом он прекрасно понимал, что его сослуживцы Иланаф, Онни и Канн – это люди, которым он может доверять как самому себе, и что кому, как не им, звать его Эгином, а не Атеном, но... он не мог привыкнуть к этому, как ни старался.

«Наверное, Иланафу тоже не по себе, когда я зову его Иланафом, а не Цертином окс Ларвом». Эгин, снова ставший центром всеобщего внимания, встал и улыбнулся дру-

зьям. Он прекрасно понимал, что товарищей не проведешь фальшивым оскалом, ведь каждый из них читал в лицах, как в открытой книге, но счел улыбку долгом вежливости.

– Я предлагаю выпить за то, чтобы повышение, которое получили я и любезный Иланаф, не обошло стороной ни тебя, Онни, ни тебя, Канн.

Эгин был совершенно искренен. Это чувствовали все. Выпили с удовольствием.

Крепкий гортело обжег гортань, прочертив огненную дорожку от горла до самого желудка.

Онни и Канн засияли. И в самом деле, они славно служат Своду, точнее – Князю и Истине. Отчего бы их тоже не повысить? Впрочем, для этого нужно отличиться в каком-нибудь особенном деле наподобие того, какое на днях выпало на долю Эгина. Об этом слегка заплетающимся языком и поведал товарищам Онни.

– Не знаю про Эгина, – махнул рукой Иланаф, тотчас же помрачнев, – а я получил повышение совсем по другой причине. Нет, мои личные заслуги тут ни при чем.

– Не дури, Иланаф, – недоверчиво бросил Канн.

Никто из присутствующих не сомневался в том, что звания в Своде Равновесия не раздают кому попало и за что попало. По крайней мере раньше такие прецеденты не наблюдались.

– Ни при чем, – твердо и зло повторил Иланаф. – Мой успех – всего лишь следствие чужого провала, милостивые

гиазирь. Кто-то должен был занять место гиазира Неназванного, потому что должен же его кто-то занимать.

Ему никто не отвечал. Не возражал. С ним не спорили. Обсуждать провалы Свода на пирушках было не принято. От такого – один шаг до крамолы.

– Ну да все равно выпьем. Надо хоть выпить, раз думать о таких штуках не положено! – неожиданно истерически расхохотался Иланаф. Столь же неожиданно он замолк и захрустел яблоком.

Все уткнулись в тарелки, чтобы не смотреть на гримасу отвращения и злобы, какой было искажено лицо Иланафа. Таким Эгин не видел своего товарища никогда. Безусловно, Иланаф был пьян, как и все присутствующие.

Но не только. Иланаф был чем-то обижен, унижен, уязвлен. В груди Иланафа, похоже, клокотал тот же вулкан, какой не давал покоя самому Эгину. «Странно, что я не замечал за ним этого раньше», – подумал Эгин.

– На посошок – и по домам! – мягко сказал Эгин, чтобы как-то разрядить обстановку и продолжить мысль Иланафа в нейтральном ключе.

«На посошок... на посошок», – эхом повторили остальные, крепко ухватившись за кувшины, словно в них было все спасение.

И в самом деле, когда вслух начинают говориться такие вещи, о каких только что откровенничал Иланаф, весельчак, балагур и жизнелюб, это первый и самый верный признак

того, что настало время расходиться.

3

– Понимаешь, Эгин, Свод Равновесия простоит долго. Но мы все – покойники. – Онни, похоже, передался нервический пессимизм Иланафа. – Я тебе объясню, если хочешь...

– Хочу, – охотно откликнулся Эгин. На самом деле ему было все равно.

– Вспомни, как наставлял нас Занно, когда учил фехтовать. Ты только вспомни! Он говорил так: чтобы победить, нужно навсегда расстаться с желанием победить. И не только с ним. Еще с желанием пощеголять перед противниками своей техникой, всякими трюками и показать ему все, что знаешь. А еще нужно отказаться от стремления держать врага в страхе... А еще...

– Помню-помню, – улыбнулся Эгин. Он помнил эти наставления так же хорошо, как то, что он – чиновник Иноземного Дома Атен окс Гонаут. – А еще, и это самое главное, нужно избавиться от желания побороть те недостатки, которые ты только что перечислял, Онни.

– Все верно, – закивал Онни, опираясь о руку Эгина.

Похоже, ноги повиновались ему гораздо хуже, чем язык.

– И что с того?

– Да вот что: если ты не выполняешь этих требований, когда фехтуешь, тебя убивают. Рано или поздно. Мы все – и

ты, и я, и Иланаф, и Онни – вроде бы научились оставаться невредимыми в поединках. Это хорошо. Плохо другое. То, чему учил нас Занно, верно не только по отношению к искусству владения мечом. Оно верно всегда. Но в жизни мы совсем не такие. Когда мы возвращаем мечи ножнам, мы начинаем дру-гу-ю жизнь. Мы снова наполняемся желанием победить и прочими пороками, от каких Занно отвадить нас так и не сумел...

– Может, ты и прав, Онни, – примиряюще откликнулся Эгин. – Но это вовсе не значит, что все мы покойники.

– Значит-значит, – сказал Онни с недоброй усмешкой. – То, что мы, четверо, собираемся вот так у Иланафа уже четвертый год – это в общем-то чудо. Я чувствую: будет что-то неладное. Уж больно все идет гладко... Кто знает, соберемся ли мы еще хоть раз? Разве ты не чувствуешь чего-то похожего?

Эгин отрицательно замотал головой. Конечно, последние дни выдались тяжелыми, муторными, суматошными, но он ничего такого не чувствовал! Нет!

«Наверное, во мне говорит сейчас детское желание противоречить, спорить с тем, с чем уже давно согласился», – подумал Эгин. Но он прогнал эту мысль прочь.

Эгин никогда не замечал за Онни ни сентиментальности, ни тяги к рассуждениям о бренности всякого благополучия. Тем страннее было идти вот так по Серому Кольцу Пиннарина и вести беседы, которые офицерам Свода Равновесия

вести не пристало.

«Философия не к лицу вам, мальчики», – говаривал – по другому, правда, поводу – Норо окс Шин. Нарушая этот шу-тейно-серьезный завет, и Эгин и Онни чувствовали некую неловкость, неуместность происходящего.

Быть может, поэтому оставшуюся часть пути они проделали в молчании.

Наконец показался спасительный перекресток. Эгину, который жил на Желтом Кольце, – направо. Онни, чей дом располагался у Южных Ворот, – налево.

– Увидимся! – сказал на прощанье Онни.

– Увидимся, – повторил Эгин. – Я очень надеюсь, что ты ошибаешься, приятель. Очень надеюсь. Послушай, может, я все-таки провожу тебя, а?

Но Онни уже не слышал его слов. Решительным, но не очень твердым шагом молодого подвыпившего офицера он удалялся в ночь, до отказа набитую трелями цикад и смрадом преющих лошадиных куч.

Глава 5

Внутренняя секира

1

«Нужно было все-таки проводить Онни до дома. Не то упадет в какую-нибудь лужу и проспит там до утра. В ушице из грязи и собственной блевотины», – подумал Эгин, глядя на то, как его друг, перецепившись о крыльцо какого-то строения, едва удержал равновесие.

Но тут же устыдился этой мысли. С каких это пор офицеры Свода Равновесия начали сомневаться в способностях своих коллег добраться домой после двух кувшинов белого вина и некоторого количества гортело?

Нет, провожать Онни не стоило. Но и идти домой Эгину тоже не хотелось.

В самом деле, что он там забыл? Спать он все равно не станет, читать... от одной мысли об этом ему становилось тоскливо. Не напиваться же перед зеркалом, в самом деле!

Эгин решил прогуляться по Желтому Кольцу, а потом, быть может, и до моря в надежде, что занятие сыщется само собой. Или его сама собой посетит какая-нибудь новая блистательная идея.

Он ускорил шаг и пошел в направлении, противоположном собственному дому, дому Голой Обезьяны. Некоторые любили называть его еще домом Четырех Повешенных, чему тоже имелось обоснование в виде пространной «исторической легенды», скорее всего фальшивой.

Рано или поздно, даже идя прочь от дома, он все равно придет к тому же знакомому портику, украшенному единственной статуей, – полуголым уродом, в котором какие-то невежи узнали обезьяну. Ибо Желтое Кольцо на то и кольцо, чтобы в конечном итоге обесмысливать направление движения.

Было тихо. Собак в домах для знатных особ и чиновников, а только такие и стояли на Желтом Кольце, содержать запрещалось специальным указом. К счастью.

Правда, богатые матроны плевать хотели на указы и пестовали-таки своих патлатых любимцев. Но у местных несчастливых собак были перерезаны голосовые связки – чтобы те лаем не выдали себя патрулям Внутренней Службы. Других здесь не держали. Эгин не любил собак.

Город спал, а дома пялились на него своими пустыми глазницами. Пока они выпивали, прошел небольшой дождик. Было весьма свежо. Эгин шел вперед, не глядя под ноги.

– С-сыть Хуммерова! – неожиданно громко выругался он, когда его правая сандалия погрузилась в лужу, притаившуюся возле крыльца обшарпанного дома.

Над крыльцом крупными буквами было выведено «Сда-

ется».

– Что вы сказали? – спросила девушка, осторожно высу-
нувшаяся из-за двери, заскрипевшей на всю улицу.

2

Ситуация была из числа идиотских. Эгин спешно наце-
пил на лицо маску чиновника иноземного дома Атена окс
Гонаута. Любезника, дамского угодника, вежливого и обхо-
дительного рвача. Начинаящего дипломата и самозабвенно-
го крючкотвора. Он обернулся к девушке, чья перепуганная
мордашка была еще бледнее, чем бледный огрызок луны на
небе, и, поклонившись, отвечал:

– Прощу меня простить, госпожа.

– Но вы же еще ничего не сделали, за что же мне про-
щать? – понизив голос, спросила девушка.

– В самом деле ничего, – усмехнулся Эгин.

Повисла странная пауза. Эгин не совсем понимал, чего де-
вушка от него хочет. На уличную девку она была вовсе не
похожа. С другой стороны, приличные девушки – жены и до-
чери тех, кто селится на Желтом Кольце, – не заговарива-
ют вот так с прохожими. Служанка? Может, в доме что-то
стряслось?

– Вы не могли бы зайти сюда, милостивый гиазир? – по-
просила она Эгина, смущенно улыбаясь. – Мне нужно кое-
что спросить, а на улицу выходить неловко. Пожалуйста, де-

ло срочное!

Эгин пожал плечами и, поглядев в обе стороны, неспешно взошел на крыльцо.

– Да вы не думайте, я совсем не то, что вы думаете, – уже почти шепотом сказала девушка, давая ему проход.

«Она бы еще „не бойтесь, пожалуйста“ сказала», – усмехнулся Эгин.

Дверь со скрипом затворилась. Эгин и его новая знакомая оказались в кромешной темноте затхлого коридора. Вопреки едва оформившимся опасениям Эгина, дом был совершенно пуст. Ни сутенера, ни молодчиков, сподобившихся на грабеж. Даже как-то скучно.

3

– Снизойдите, милостивый гиазир, я попала в ужасную историю. Я совсем не знаю города, а мне нужно добраться хотя бы до Северных Ворот, чтобы там нанять кого-нибудь себе в спутники. Но я совершенно не знаю, как туда идти, – начала свои сбивчивые объяснения девушка.

– Я с удовольствием провожу вас сам, – развел руками Эгин. – Если вы не будете возражать.

– Пожалуйста, тише, – взмолилась девушка, отгаскивая Эгина от двери.

– Это ваш дом? – перейдя на глухой заговорщический шепот, поинтересовался Эгин, оглядывая своды и лестницы,

имевшие очень неухоженный вид.

– Конечно нет! К счастью! – возмутилась его собеседница. – Но поймите меня верно, я не воровка...

– Мне трудно понимать вас верно, – заговорил в Эгине новоиспеченный рах-саванн Свода Равновесия. – Ибо вы еще не сказали мне, что вы тут делаете и почему мы говорим шепотом. А ведь это очень интересно, – добавил он, смягчаясь.

Эту тираду девушка выслушала, стоически сжав губы и вздрагивая при каждом шорохе одежд Эгина.

Но когда Эгин закончил, она не нашла ничего лучшего, как закрыть лицо подолом платья – надо сказать, довольно богатого – и разреветься, громко всхлипывая, вздрагивая всем телом и шумно шморгая носом.

Эгин невесть зачем стиснул рукоять меча. Для самоуспокоения?

Нет, он не стал ее утешать. Он знал по опыту, что обычно это приводит к противоположным результатам. Не только у женщин, но и у мужчин тоже.

Прислонившись спиной к стене, он тихо сполз вниз с безучастным видом. Ждать, пока она закончит реветь, придется долго. А ждать на корточках гораздо легче. Особенно после двух кувшинов белого вина и некоторого количества горте-ло.

– Извините, – спустя довольно короткое время сказала девушка, хлюпнув носом напоследок. – Мне трудно держать себя в руках.

Эгин буркнул что-то наподобие «ничего страшного», отмечая, что его ночной собеседнице наверняка не больше шестнадцати-семнадцати.

Он заключил это по той старательности, с которой та разыгрывала умудренную опытом даму. Эгин испытующе воззрелся на нее снизу вверх, требуя обещанных объяснений.

– Все довольно просто. Я сбежала от людей, с которыми бы не хотела больше встречаться. Разумеется, мое отсутствие уже замечено. Меня наверняка уже начали преследовать. Я думаю, очень скоро меня разыщут, если только вы не поможете мне покинуть город. В этом доме я спряталась, потому что не знаю толком, куда идти. Он пуст, потому что сдается. Где-то там на верхних этажах должен быть сторож, поэтому мы и говорим шепотом.

– Это, разумеется, очень плохие, жестокие люди, – с беззлобной иронией предположил Эгин.

Он не любил романы о необузданном арруме Эре окс Эрре. От них в мозгах у таких девушек множатся незабудки и цветут буйным пустоцветом фиалки.

– Это не важно, – ответила та с серьезностью укротительницы каракатиц. – Я не воровка, не гулящая. Я, как вы, наверное, заметили, не служанка и не рабыня. Я не сделала ничего плохого и не имею мужа, который мог бы настаивать на своих правах. Я думаю, этого достаточно для того, чтобы вы помогли мне, если у вас есть на то желание.

– Разумеется, есть, – отвечал Эгин, переваривая услышанное.

Разумеется, она не первое, не второе и не третье. Главное – она скорее всего не клиентка Свода Равновесия. Хотя бы уж потому, что даже самые бездарные эрм-саванны Опоры Благонравия никогда бы не дали сбежать шестнадцатилетней девчужке у себя из-под носа, сколь бы малый проступок та ни совершила.

А если она, предположим, неверная жена, так его, Эгина, это не касается. Пусть с этим разбирается дворянский суд. Она ведь дворянка, ага?

– Тогда пойдете, – взмолилась девушка, опасливо озираясь.

– Пойдете, – откликнулся Эгин, вскакивая на ноги.

В голове его уже рисовалась кратчайшая дорога к Северным Воротам, куда так страстно стремится его спутница. Теперь оставалось по ней пройти. И вдруг вежественный чиновник Атен окс Гонаут возопил внутри Эгина, вслед за чем и сам Эгин отрепетировал вслух:

– Простите, госпожа, я забыл представиться! Атен окс Го-

наут, толмач-письмоводитель Иноземного Дома.

– Очень приятно, – смутилась и, наверное, покраснела черноволосая девчушка. – Я – Овель исс Тамай.

Вот этого Эгин не ожидал. Не ожида-а-ал...

Овель исс Тамай! Стало быть, родственница Сиятельного князя, а точнее, его жены, княгини Сайлы. Вот ведь! Оказывается, иногда на ночных улицах Пиннарина можно встретить простоволосыми и заплаканными таких женщин, аудиенции у которых в иное время и в ином месте ты мог бы безуспешно добиваться месяцами. Даже будучи офицером Свода.

Хм... исс Тамай. Эгин даже немного оробел. «Так, значит, Хорт окс Тамай, владелец „Дикой утки“, тоже ее родственник?»

– Простите, госпожа, невольный вопрос.

– Да-да, – испуганно откликнулась девушка, прильнув ухом к двери.

– Вам, должно быть, приходится родственником и Хорт окс Тамай?

Девушка словно бы окаменела. На секунду, не больше. Но пока эта секунда длилась, ее лицо казалось ликом траурного барельефа в тлетворной глубине фамильного склепа. Склепа Тамаев, к примеру.

– Приходится дядей, – отвечала она, взяв себя в руки.

– Жаль, что ваш дядя не может позаботиться сейчас о вашей безопасности, – с искренним сожалением сказал Эгин.

– В самом деле жаль, – ледяным шепотом отвечала Овель исс Тамай.

Эгину достало деликатности прекратить расспросы. Тем более что на улице, по-видимому, назревало нечто еще более интересное, чем беседа с хорошенькой девушкой.

5

Эгин не ослышался. То был собачий лай.

Но откуда, милостивые гиазеры? Откуда?! А как же указ? Куда смотрит Внутренняя Служба?

Собак было по меньшей мере две. И были они вовсе не салонными шавками, которым их заботливые «мамочки» перерезают голосовые связки. Насколько можно было судить по звукам, то были мощные, здоровые псы, наподобие тех, что были в фаворе у Вербелины. Да только что они делают на Желтом Кольце?

– Это за мной! – вздрогнула Овель. – Они шли по следу, они сейчас будут здесь.

Как ни странно, на этот раз с самообладанием у нее было все в порядке. Никаких слез, никаких истерик. «Впрочем, многовато будет истерик для одного раза», – подумал Эгин.

Он понял, что самое время взять ситуацию в свои руки.

Он отстранил Овель, рванувшуюся к двери, закрыл предательски заскрипевшую дверь на засов и, стиснув запястье девушки мертвой хваткой, вовсе не похожей на жантильные

прикосновения чиновников Иноземного Дома, решительно потащил Овель в глубь дома.

Доходные дома на Желтом Кольце были устроены приблизительно на один и тот же манер. И этот достойный крысятник был похож на дом Голой Обезьяны если не как брат-близнец, то по крайней мере как кузен.

Жилые помещения на втором, третьем этажах. На первом – людская, кухня, конюшни и отхожие места. Коль скоро дом сдается, а значит, пока пустует, должен быть пуст и первый этаж.

Сторож, конечно, не дурак и предпочитает дрыхнуть в самом роскошном из господских покоев. Вдобавок он наверняка мертвецки пьян – даже запомнил запереть двери на ночь. (Днем двери фешенебельных домов, отведенных под съем, никогда не запирались, чтобы всяк желающий мог зайти внутрь и примериться к роли нового хозяина апартаментов.)

Это означало, что навесные замки на засовах черного хода, который выводит на так называемое сточное кольцо, тоже скорее всего остались незапертыми.

На него-то и рассчитывал Эгин.

Внезапно Овель встала как вкопанная и, воззрившись на Эгина своими бездонными карими глазами, сказала:

– Я боюсь, что у вас будут неприятности, милостивый гизир Атен окс... окс... Не важно. Лучше бы вам, наверное, уйти.

– Значит, вы передумали идти к Северным Воротам? – поинтересовался Эгин не без некоторой издевки.

– Можно сказать, что да, – сказала Овель, и ее глаза налились слезами.

Эгин зло сплюнул на пол. От этого новоордосского во рту всегда горько. Мерзавцы добавляют что-то к винограду, чтобы он быстрее бродил.

Цепкие пальцы Эгина несколько ослабили хватку. Он окинул Овель недоумевающим взглядом.

Растрепанные волосы, даже не причесалась, дурочка. Очень богатые серьги. Ценой в конюшню из пяти голов. Наспех зашнурованное на груди платье с какими-то благородными вензелями. Тамаев, надо полагать. Ситцевая нижняя юбка выглядывает снизу из-под подола: трогательно и очень по-детски. Она порвана и чем-то испачкана. Босые ноги тоже, разумеется, в грязи.

Ресницы Овель задрожали, как будто в предвкушении крупных, жемчужных слез, которые вот-вот посыплются на холодный пол людской. Уголки ее губ поползли вниз.

Эгин стиснул зубы. Он сызмальства терпеть не мог плачущих женщин. К числу несомненных добродетелей Вербелины исс Аран надлежало отнести то, что она до вчерашнего дня ни разу не плакала при Эгине. Ни с корыстными целями, ни с бескорыстными.

Впрочем, о Вербелине он в тот момент не думал.

– Вы передумали. Но я не передумал. Мне сейчас самое

то – прогуляться к Северным Воротам, – процедил Эгин и начал возиться с засовами на двери черного хода.

Замки, однако, не то были все-таки заперты, не то что-то приржавело...

«Зачем я хлопочу об этой девушке? Что я делаю в этом доме? Что вообще здесь происходит?» – ни тогда, ни после Эгин так и не смог дать полного и исчерпывающего ответа на эти простые вопросы.

Тогда он понимал только одно: эту странную девицу, родственницу Сиятельного князя, ни в коем случае нельзя оставлять на поживу людям, без всякого страха разгуливающим по Желтому Кольцу со своими голосистыми волкодавами.

6

– Это еще что такое? – раздался хриплый голос откуда-то сверху.

Сторож. Ясное дело, это он. Странно, как еще раньше не проснулся. Овель схватилась за локоть Эгина. «Ага, все-таки не хочешь оставаться», – хмыкнул Эгин, не прекращая возни с замком.

– Я спрашиваю, что вы, двое блудников, тут делаете, парша вас возьми! – Сторож спускался вниз. В руках у него был допотопный лучинный светильник. – Вы что же тут, спаривались не по правилам? В честном доме господина Малла?

Пользуетесь тем, что старый человек прилег на часок отдохнуть? И откуда такие падлы только берутся! С виду благородные, а по чужим домам шастают...

Каждый новый риторический всплеск сторожа сопровождался отчаянным скрипом ступеней лестницы.

Старый человек прилег отдохнуть! Надо же! Эгин бросил оценивающий взгляд на сторожа, благо лампа освещала заросшее щетиной, обрюзгшее лицо последнего.

Да этому «старому человеку» никак не больше сорока. Как, например, Норо окс Шину. А как представляется возможность побрюзжать, такие немедля примазываются к убеленным сединами старикам!

Наконец-то замок поддался. Все-таки приржавел. Дверь распахнулась в сырую неприютность «сточного кольца». Эгин обернулся – сторож был уже совсем рядом.

Этот пьяный хрыч, разумеется, не опасен. Он безоружен. А если бы даже и был вооружен, что такое сторож против офицера Свода Равновесия? Самое подлое и с его точки зрения правильное, что он может сделать, это начать бить в пожарный колокол.

Дескать, «Грабят! Горим! Прелюбодеи!». Колокол. Шум... Эти люди с собаками, пожалуй, будут обрадованы и пожалуют сторожу, упростившему их поиски, пару медных авров. А что пожалует ему сам Эгин?

– Эй, вы! – нарочито развязно начал сторож, держась на опасливом отдалении. – Я знаю, что вы тут делали, и сейчас

об этом узнает вся округа. Но я знаю один способ все уладить. Мне он нравится.

– Сколько? – спросил Эгин, заслоня своей спиной Овель, совершенно ошалевшую от неожиданности и стыда.

«Бедняжку небось не учили, что оскорбления нужно глотать с тем же равнодушием, с каким больной глотает микстуры. Вдобавок она небось ожидает, что за прозвучавшее обвинение мне, как и всякому дворянину на службе у Иноземного Дома, придется ни много ни мало вызвать этого пьяного мудака на поединок. На честный поединок!» – Эгином овладела беспричинная веселость.

Сторож, почесав пятерней затылок, тупо шевелил губами и загибал пальцы на правой руке.

Лампу – чтоб не мешала – он поставил на пол. Что-то складывал, умножал или просто бормотал под нос что-нибудь вроде «Только б не продешевить, только б не продешевить...».

– Быстрее, а то не получишь ничего, – с нажимом сказал Эгин.

Он начинал нервничать. Он знал, что люди с собаками отыщут их укрытие очень быстро.

У них осталось в запасе не более трех минут. Потом собаки однозначно укажут своим хозяевам местоположение Овель. Неведомые преследователи постучат в дверь. Потом выломают ее. Потом...

«Нет, Шилолова кровь, к тому моменту мы уже должны

быть у меня дома».

А потом они с Овель будут мчаться к Северным Воротам. Эгин – на Луз. Овель – на гнедом грютском Вакире.

А может, и не вполне так. Он оставит Овель у себя до утра. А утром, когда народу на улицах будет не протолкнуться, тогда они и поедут. Или еще лучше. Он оставит Овель у себя, и они вообще никуда, никуда не поедут...

– Ладно, шесть, нет, семь золотых... И никто ничего не узнает.

– Четыре – и ни одним больше, – отвечал Эгин. – Если не нравится, мне придется вышибить тебе мозги.

– Твоя правда, четырех хватит. Давай сюда!

Эгин подошел поближе к свету. Извлек из поясного сарнода четыре монеты – золотые не золотые, ему без разницы – и, приблизившись на два шага, протянул их сторожу на открытой ладони. словно корм ручному зверю.

Сторож, алчность которого тут же затмила все прочие чувства, взял лампу и сделал два шага навстречу Эгину.

– С-сука, – только и успел просипеть сторож, когда нога Эгина, обутая в сандалию Арда окс Лайна, достала его пах в беззастенчивом ударе, а костяшки пальцев опустились точно под затылок.

Сторож медленно осел на пол.

Эгин обернулся к Овель. К счастью, она не в обмороке. А значит, еще один удар сторожу не повредит.

– Все, – заключил Эгин, направляясь к черному ходу.

«Хотя нет, не все».

Он остановился и бросил на пол перед сторожем четыре монеты. Быть может, среди них отыщется и одна золотая.

7

Прошедший дождь казался Эгину пустыковым, когда он шел по парадной стороне Желтого Кольца, вымощенной плотным желтым песчаником. Лужи там были мелкими, ручейков не было и в помине.

Исподняя же сторона Желтого Кольца, по сути, являлась конюшной после потопа. Канализационные канавы вышли из берегов. Нечистоты разлились по всей ширине длинной змеистой улочки, которой фактически и являлось «сточное кольцо».

Овель подняла юбки и зажала ноздри.

Эгин, не страдавший брезгливостью, пожалел о том, что не надел сапоги. Каждый их шаг сопровождался жирным хлоппаньем нечистот и частым дыханием Овель.

Эгин с надеждой смотрел вперед. Он очень редко удостаивал своим посещением «внутреннее кольцо», оставляя эту привилегию слугам, рабам и крысам, а потому ориентировался здесь неважно.

Хотя по служебной необходимости захаживал он и сюда. И мог судить, что до дома Голой Обезьяны оставалось не более пятнадцати минут. С такой скоростью он сам мог идти

по меньшей мере вдвое быстрее, но вот Овель!

Овель, трогательно ойкнув, умудрилась поскользнуться и упасть на колени.

Вот так. «Ну хоть нос не расквасила...»

Руки благородной госпожи были теперь по локоть в вонючей маслянистой жиже, источающей запах перестоявшей мочи и крысиного кала.

– Послушайте, госпожа, будет лучше, если я понесу вас. Разве нет?

– Нет, – с подростковым упрямством сказала Овель, поднимаясь и отирая руки о подол.

«Зажимать нос пальцами теперь довольно глупо», – отметил про себя Эгин.

На периферии его сознания отпечатался обрывок собачьего лая. Или показалось?

– Может, и нет, а я все-таки понесу, – твердо сказал Эгин.

Не давая Овель опомниться, он подхватил ее худенькое тело на руки и двинулся вперед. К счастью, Овель была легка, словно ярочка.

Тем временем становилось все мельче и мельче, а значит, нести Овель становилось все легче и легче.

К запаху он тоже успел притерпеться. Овель, обхватившая Эгина за шею своей тонкой ручкой, была безмолвна. Ее грустные глаза блуждали по глухим стенам домов, подставившим свои неприглядные задницы «сточному кольцу».

Эгин остановился. Дом Голой Обезьяны должен быть те-

перь в пяти, ну максимум семи минутах ходьбы.

«Только бы слуги не спали. А то придется барабанить в дверь битых полчаса. Только бы Амма не спал. Кюн, конечно, услышит первым, но так как он глухонемой, ему придется делать вид, что не слышит. Да и плевать ему на стук в дверь черного хода! Хозяин-то ведь не имеет дурной привычки являться домой через черный ход, а остальные обитатели Пиннарина его вообще не интересуют, как и всякого нормально-го соглядатая Свода Равновесия», – размышлял Эгин.

Если же кто-то из чужих слуг услышит его, Эгина, стук – еще хуже. Сплетни, кривотолки, а там кто-то и донос сподобится написать в Свод Равновесия... Ха-ха.

И тут он снова услышал лай. Не издалека, как ему показалось в первый раз. А скорее изнутри. Из дома, что ли? Овель вскрикнула. Кажется, она что-то заметила. Всадник всегда замечает точку на горизонте раньше лошади.

8

– Эй, ты, поставь девочку, на хрен, а сам вали отсюда!

Да, это был непростительный промах.

Коллеги из Свода подняли бы его на смех.

Из-за хлопанья жижи под ногами не расслышать, как к тебе подкрался противник? Да такое даже салаги себе не позволяют. То, что он, Эгин, все-таки пьян, и то, что в голове у него – костюмированный бал еще со вчерашнего вечера, это

в общем-то не оправдания.

Овель дрожала всем телом. Эгин аккуратно поставил ее на ноги. На хрен – не дождетесь, а вот на ноги – пожалуйста. Меч выпорхнул из ножен. Овель закусил нижнюю губу и, кажется, приготовилась реветь опять. Но Эгину было не до этого.

Два пса. При псах – трое. Это явно те, которые шли за Овель по внешнему, мощенному камнем, Желтому Кольцу.

Собачки привели их куда следует.

Разумеется, они решили, что догнать Овель будет легче, если идти по мостовой, а не плыть сквозь нечистоты. Они определили направление их движения, обогнали их, а теперь – не важно уж как – прошли сквозь дом. Может, слуг подкупили или даже перебили, а может, он тоже, Хуммер его раздери, «сдается».

– Я не стану разговаривать с вами иначе как на языке стали, пока вы не представитесь, милостивые гиацинты, – бесстрастно отвечал Эгин, приглядывая пути возможного отступления.

– «Милостивые гиацинты»... Видал, как загибает! – заржал один из трех, самый представительный и рослый. – А не пошел бы ты в пень, такой благородный!

Эгин молчал. Когда против тебя трое, лезть на рожон не рекомендуется.

– Я же вам говорила, Атен окс... Атен окс... Я же вас просила, Атен, то есть предупреждала, – зашептала Овель, сцеп-

ляя пальцы умоляющим замком. – Они выиграли. Им я буду как бы приз. А вы – уходите.

Точеный носик Овель покраснел. Это было заметно даже в темноте. А глаза... О да, милостивые гиацинты, то были глаза жертвенного ягненка. Эгин заложил черную прядь Овель за ее изящное ушко. Улыбнулся ей и, к собственному глубочайшему, хотя и неосознанному в тот момент удивлению, отвечал:

– Еще не ясно, кто выиграл. Может быть, приз достанется мне?

Сказал и подивился собственной наглости. Подпускать двусмысленности в разговорах с незамужней родней Сиятельного князя? Норо окс Шин, пожалуй, лишь пожал бы плечами, узнай он об этом.

9

– Ну что, нашептались? – Рослый детина в высоких сапогах решительно шагнул с крыльца в грязь, обнажая меч.

Что ж, первый шаг был сделан. Эгин мягко оттолкнул Овель к стене и вдохнул полной грудью. Трое и две собаки. Это плохо. Но не безнадежно.

– А вы чего стали, сюда! – скомандовал рослый, обернувшись к своим товарищам.

Те последовали за ним. Похоже, о честном поединке речь вообще не шла. Странно, впрочем, если бы было иначе. Псы

безропотно последовали за хозяевами.

– Ты чего, благородный? Давно не получал, что ли? – Голос зачинщика был низким, с легкой хрипотцой. – Захотелось прадедушку проведать в Проклятой Земле Грем? – продолжал он, пока его ребята подтягивались к Эгину с боков.

Было видно, что решимость Эгина защищать Овель кажется всем троим чисто декларативной, нужной «благородному» только ради сохранения лица.

«Он из Иноземного Дома», – спустившись на полтона ниже, сообщил рослому его товарищ в охотничьей шапке.

– Да хоть из свиты Сиятельной! – заржал рослый.

«Интересное дело, – подумал Эгин. – Эти ребята одеты как штатские, а хамят словно гвардейцы Сиятельного князя. Разгуливают по Пиннарину с псами, словно солдаты Внутренней Службы, и оскорбляют чиновника Иноземного Дома. По виду – лесные егеря, по речи – морячки из Урталаргиса».

– Разве вам не известно, какие влиятельные родственники у девушки, которую вы сейчас пытаетесь заполучить? – не оставляя надежды уладить дело миром, поинтересовался Эгин.

– Знаем-знаем. У нее о-очень влиятельные родственники! – снова заржал тот, что был за главного.

– Особенно дядя! – вклинился стоявший поодаль, тот, что придерживал псов.

– Они-то нас и послали, господин хороший, так что дела твои дрянные, – авторитетно добавил третий, обнажая свой

короткий широкий меч.

Случилось то, чего Эгин давно ожидал, – Овель разревелась. Видимо, одно упоминание о родственниках катастрофически сказывалось на ее настроении.

– Короче, это твой последний... .

Но рослый не смог договорить.

Эгин в глубоком выпаде всадил меч ему прямо в живот, который, к счастью, не был защищен даже дрянной кольчужгой. Всадил на треть длины лезвия.

Остатки хмеля слетели с Эгина в тот же миг. Истерика Иланафа, философствования Онни и даже милые влажные губки Овель – все это уже не существовало для него. Оставались только двое вооруженных мужчин и два свирепых пса, готовых напасть в любой момент.

Так же стремительно Эгин извлек меч из раны и отскочил назад, к стене. К Овель. От неожиданности она даже перестала всхлипывать.

Рослый заскулил, скрючился, зажал рану ладонью и упал на спину, в помой. Нечистоты покрыли его с головой. Ослиная моча и кухонные отбросы, грязь вперемешку с теплыми каплями ночного дождя были ему саваном.

– Спускай собак! – выкрикнул тот, что разглагольствовал о дяде Овель.

Псарь что-то шепнул своим питомцам, и те, не издав ни единого звука, на удивление неспешно двинулись к Эгину. Они приглядывались и принюхивались к опасному человеку,

которому должны были перегрызть глотку.

Обе твари были черными кобелями с обрезанными ушами и купированными хвостами. Поджарыми, мускулистыми, сильными, откормленными. Эгин не очень хорошо разбирался в псах, но даже его знаний было достаточно для того, чтобы понять: такие обучены держаться до последнего, не бояться вооруженного человека и ударом лапы вышибать из седла всадника.

При Эгине был только так называемый салонный меч. Кто мог знать, что вечеринка у Иланафа будет иметь столь неожиданное продолжение?

Как и всякий салонный меч, клинок Эгина был неширок, слегка искривлен и имел очень длинную рукоять с избыточно декорированной гардой. Для того, чтобы давать отпор псам, хорошо бы располагать чем-то более длинным и чуть более увесистым.

Обе собаки изготовились к прыжку. Одна из них погибнет. Но зато другая обязательно достанет Эгина, меч которого будет все еще вонзен в тело первой. Он будет запаздывать с извлечением меча на почти неразличимо малые доли мгновения. И все-таки второму исчадию достанет их, чтобы успеть погрузить свои клыки в горло рах-саванна.

Эгин всегда ненавидел собак. Иногда стеснялся этого. Особенно с Вербелиной. Но в тот момент, глядя в желтозубые пасти псов, в пасти четвероногих людоедов (до него доходили слухи, что в отдельных состоятельных поместьях

кровожадные самодуры вроде Хорта окс Тамая кормят этих тварей человечиной), он поклялся, что никогда и ни за что не потреплет за ухом ни одну «псинушку», будь она хоть с голубя величиной.

Эгин все рассчитал верно. Когда собаки прыгнули, он уже завершал первый скрестный шаг, а к тому моменту, когда приземлились, был уже в трех саженях от того места, где находился прежде.

Он переместился с великолепной быстротой. Псарю осталось только удивленно ахнуть. Псы тоже выглядели обескураженными.

«В этот раз не попали, но в следующий...»

– Сэ-ми-са! – истошно и совершенно неожиданно завизжала Овель. – Сэ-ми-са!

10

Псы, похоже, прекрасно поняли Овель.

Обе твари, словно бы получив обухом по голове, смиренно сели. Да, они были недовольны, что их неукротимая жажда крови осталась не востребованной, а голод – неутоленным. Но они слушались Овель. Слушались эту глупую девчонку!

Тут уже и псарь понял, что произошло.

– Теперь ясно, как эта дрянь смылась из «Дикой утки», – бросил один преследователь другому.

– Командуй, давай-давай. – Второй вместо ответа ткнул

его локтем в бок.

– Саа! Саа! – закричал псарь.

Это словцо знал даже Эгин. Правда, благодаря Вербелине.

«Конечно, – объясняла своему увядающему от скуки и отворачивания возлюбленному Вербелина, – каждый, кто держит собак, может тренировать их на свои собственные слова. Но обычно все пользуются известными. Говорят, харрениты, а позже варанцы когда-то позаимствовали их у даллагов. „Са“, например, обозначает что-то вроде „убей любой ценой“.

«А ты?» – нехотя спросил тогда Эгин, просто чтобы как-то поддержать разговор.

«У меня есть собственный шутейный пароль. – Вербелина расцвела в улыбке. – Когда я говорю „энно“, самые сообразительные из них делают обратное сальто через голову».

Тогда Эгин не придал этому разговору никакого значения, хотя и не забыл его. Теперь сделалось очевидным, что Овель откуда-то известен пароль, запрещающий обыкновенное «са» этим псам. Да и псов она, похоже, тоже знает. Судя по тому, что по отношению к ней они не проявляли ни злобы, ни агрессивности. Самое большее – служебный интерес.

Не дожидаясь очередного «са», Эгин оказался рядом с ближайшей тварью и снес ей голову косым поперечным ударом. А затем проделал ту же операцию и со второй, в тот момент полностью поглощенной проблемой двоевластия.

«Даже четвероногих иногда подводит интеллигентность» – так прокомментировал Эгин это событие двумя днями поз-

же.

«Что ж, судьба раздает мне щедрые авансы», – подумал он, надвигаясь на двух оставшихся преследователей Овель.

Да, его новая знакомая оказалась совсем не такой бесполезной в этой ночной драке, какими обыкновенно оказываются прекрасные спутницы чиновников Иноземного Дома.

11

Дождь незаметно закончился.

Обезглавленные псы лежали на мелководье. Неподалеку от них из жижи проявлялось тело первого хама – главаря преследователей.

«Даже если рана не смертельная, после такой дозы дерьма ему не выжить», – безо всякого злорадства заключил Эгин.

Похоже, конец кровавой пьесы был близок. Мечи преследователей блеснули в неярком свете луны, выглянувшей в просвет между тучами.

Чиновник, собирающийся на дружескую пирушку, не берет с собой оружия левой руки. Не взял его и Эгин. А потому драться с двумя придурками одновременно, у каждого из которых, в отличие от него, было в левой руке по удобной даге, было очень несподручно.

Приходилось следить за огромным количеством вещей, за которыми гораздо удобнее было бы следить днем.

Несмотря на то что каждый из противников Эгина был не

чета ему в фехтовальном искусстве, реализовать свое преимущество было непросто. В первую очередь потому, что он дорожил своей жизнью, а вот эти двое, кажется, не слишком.

«Они что, смертники оба?» – недоумевал Эгин, утирая пот со лба во время очередной краткой передышки. За минуту до этого псарь попытался подставить под удар его меча, с тем чтобы дать своему напарнику возможность нанести предательский удар с другого направления.

Схватка затягивалась. Оба его противника тяжело дышали. Каждый из них втихаря гадал, кто умрет первым. Или кто первым даст деру.

Эгин ждал того, что в фехтовальном классе учителя Занно называли «гороховый верняк». Так молодые питомцы Свода Равновесия называли непростительный промах противника, приводящий к тому, что его становится так же легко поднять на пику, как тренировочный мешок, набитый горохом.

Он, разумеется, дождался.

Ослабевший от непривычно долгого поединка псарь занес руку с мечом слишком далеко. Замах вышел нелепым, корявым, гибельным.

Эгин не замедлил воспользоваться этим промахом. Минуту спустя псарь глотнул отбросов, судорожно пытаясь удержать жизнь, которая стремительно покидала его тело сквозь порванную шейную артерию.

«Ну что ж, теперь поединок можно назвать честным.

Один на один», – с удовлетворением отметил Эгин, отгоняя прочь усталость. Как вдруг раздался испуганный голос Овель:

– Атен! Атен! Там еще, посмотри!

Эгин отошел на безопасное расстояние от своего последнего врага. Его волосы были насквозь промочены потом и смрадными брызгами. Казалось, будто он только что покинул купальню.

Эгин обернулся.

К ним приближались еще трое. С двумя такими же черными псами, у которых вместо ушей – едва заметные лоскутки, а с языков стекает липкая обильная слюна.

12

– Ха! А вот и наша лапушка! Цела и невредима, бегляночка! – всплеснул руками очередной командир.

– Это ты, что ли, наших поперебил? – поинтересовался второй, с интересом оглядывая Эгина. Знаков отличия Иноземного Дома на рах-саванне уже было не разглядеть – так он измазался дерьмом и грязью.

– А ты что, последний герой? – заржал третий, обращаясь, правда, не к Эгину, а к его противнику, молившему всех известных ему богов о спасении несколькими минутами раньше, а теперь возносившему им по очереди благодарственные и хвалебные гимны.

Эгин быстро оценил обстановку. Он обессилен. Ранен, хотя и легко. Их трое, они свежи. Свежи их псины. Кто знает, пройдет ли у Овель тот же номер с «сэ-ми-са»?

Увы, все это означало, что в нем должен вновь воскреснуть дипломат, лицедей, наглец и... и... офицер Свода Равновесия, в конце-то концов!

– Вашего человека и двух собак убил я, милостивые гиазиры, – подтвердил Эгин. – Эта девушка – преступница, которой давно интересуется Свод Равновесия. Ее судьба поручена мне. Если у вас хватит наглости пойти против Свода и сразиться со мной, знайте: мне не составит большого труда одержать победу. Но даже если судьба будет на вашей стороне, никто из вас не проживет дольше завтрашнего вечера.

Эгин замолчал. Гости начали перешептываться друг с другом, явно удивленные таким оборотом дела.

Эгин даже не взглянул на Овель. Он и так был уверен в том, что глаза у нее сейчас больше, чем блюдца, на которых в благородных домах подают десерт. Для нее это тоже сюрприз – вдруг ощутить себя персоной, которой интересуется, как оказалось, офицер Свода Равновесия.

«Пусть ломают головы!»

Эгин устало прислонился к стене. Вот о чем он в тот момент не думал, так это о жуткой вони, которой, казалось, было напоено все вокруг, включая луну и безразличные к происходящему звезды.

Свод Равновесия – это государство в государстве. Свод подчиняется гнорру. Гнорр – Сиятельному князю. И более никому.

Любой варанец впитывал эти нехитрые истины с молоком матери. И эти молодцы с псами тоже, конечно, впитали, Хуммер их раздери.

Разумеется, решившись на такую с виду невинную ложь, Эгин совершал должностное преступление. Ни много ни мало.

Во-первых, он открылся людям, о которых толком не знал ни кто они такие, ни зачем им эта девочка.

Во-вторых, он сделал это ради особы женского пола, случайно встреченной им после дружеской попойки. Ради нее он солгал, объявив ее преступницей, а себя – следователем.

В-третьих, а также и в-четвертых, и в-пятых, сейчас ему придется совершить еще более тяжкое преступление – представить этим ублюдкам доказательства, если они не поверят ему на слово. Причем в отсутствие удостоверяющего жетона – Внешней Секиры, – которым он щеголял давеча перед Гастрогом и который сейчас преспокойно полеживает у изголовья его кровати на ореховом столике о трех ножках. А в отсутствие этого самого жетона факт предъявления самого веского из возможных доказательств – Внутренней Секи-

ры – не может остаться не замеченным начальством. То есть Норо окс Шином.

Они, конечно же, не поверили.

– А чем докажешь, офицер? – соединив в этой фразе наглость и опасливый подхалимаж, спросил его уцелевший та-ки противник.

Разумеется, его интересовал вопрос, почему этот стран-ный псевдочиновник Иноземного Дома не воспользовался своей подавляющей и наводящей страх привилегией сразу, пока его товарищи и псы еще были целы и невредимы.

– Вот именно. Кто его знает, может, ты гониво гонишь, а? – подтвердил псарь из второй группы.

Эгин криво усмехнулся. Закатил левый рукав. Отер меч о платье и перехватил его за лезвие в последней трети так, словно это был ножик, которым он собирался почистить яб-локо.

Не изменившись в лице, он взрезал сначала кожу, а затем и мышцу на своем левом предплечье. Все тем же острием клинка раздвинул кровоточащие ткани в обе стороны. И то-гда Внутренняя Секира отозвалась своему хозяину трепет-ным мерцающим огнем.

– Оба-на! – не выдержали зрители.

– А можно поближе? – с почтением спросил один из пре-следователей.

Эгин не ответил, но тот воспринял его молчание как знак согласия и сделал три скромных шажка, по-гусиному вытя-

гивая шею. Остальные не двигались.

– Мужики, там, Хуммер меня раздери, – залопотал любопытный, – там это, два глаза. Один мне только что подмигнул. Как есть подмигнул, мужики!

Другие не отважились подступить ближе. Эгин закрыл рану ладонью и выжидающе посмотрел на «мужиков».

– Ну что, кто-то еще претендует на эту девочку? – зло процедил он.

– Пусть лучше нас хозяин на кишках повесит, чем к этим в подвал попасть, Хуммер меня раздери, – пробормотал тот, что подходил полюбоваться на пугающее чудо Внутренней Секиры.

Очень скоро четыре человеческих и два собачьих силуэта исчезли в прошлом навсегда.

Эгин улыбнулся Овель, которая, несмотря на нечаянную удачу, была мрачнее тучи.

– Так как же мне вас теперь называть, милостивый гиазир? – робко спросила она.

– Зови как хочешь, – примиряюще сказал Эгин, пытаясь перевязать руку поверх раны витым шелковым шнуром, на котором раньше болтался поясной сарнод.

– Давайте я, Атен, – с вымученной улыбкой предложила Овель. – У вас руки грязные.

Вопреки опасениям Эгина слуги не спали. Дверь черного хода тоже оказалась не заперта. Таким образом, ни стучать, ни объясняться, к счастью, не пришлось. Из кухни доносился зычный голос Аммы:

– ...И вот представь себе, Кюн, молния ему прямо в голову ударила. А могла бы и в меня! Мы ведь рядом стояли. Ну, думаю, сдохнет как есть! Но тут еще один мужик, он лавку сейчас держит, тут прям подбежал и орет мне как оглашенный: «Рой землю, рой землю быстро!»

В людской, как обычно, разглагольствовал Амма. А Кюн, разумеется, мычал и жестикулировал в ответ.

«Интересно, Амма свои истории на ходу выдумывает или в Опоре Единства есть специальный одобренный начальством сборник „народных“ баек?» – усмехнулся Эгин, жестом приглашая Овель следовать за собой. Она изо всех сил старалась не создавать лишнего шума.

– ...ну я и начал рыть, что твой крот. Земля мокрая, я быстро вырыл яму. И тогда мы того бедолагу закопали в сырую землю, как мертвяка. Только нос оставили. Я, конечно, не поверил, что это помогает. Но тот, который лавку теперь держит, знай твердил: «Поможет, поможет». И правда помогло, Кюн. Помогло! Я-то думал, он сдох – шутка ли, молния ударила. А он возьми да и оклемайся через часок-дру-

гой...

Глухонемой Кюн услышал звуки за дверью первым. Он прервал свое одобрительное мычание и указал Амме на дверь. Дескать, шаги со стороны черного хода. Двое. Хозяин? А если не хозяин?

Амма бросился к печи и схватил кочергу. Кюн мигом достал свой мясницкий нож с широченным кривым лезвием. Дверь распахнулась.

– Хозяин? – недоуменно и растерянно спросил Амма. – А отчего не с парадного?

Но у Эгина не было ни сил, ни желания держать перед слугами отчет.

– Приготовьте этой девушке в моей спальне. А мне – в фехтовальном зале, на сундуке.

– Будет сделано, – ответствовал оторопевший Амма.

Почтительно поклонившийся Кюн был полностью погружен в рассуждения о том, каким образом будет отстирывать платье хозяина завтра поутру. Может, лучше сразу выкинуть?

Овель смущенно прятала глаза. Не каждый день случается приходиться за полночь в дом к офицеру Свода Равновесия, которого ты видишь первый раз в жизни. Впрочем, выбора у нее не было.

«Придет? Не придет?» – такая мысль вертится в голове у каждой столичной содержанки, когда она лежит в своей постели и смотрит на лепные карнизы сквозь кисею балдахина.

В ту ночь строй мыслей Эгина, лежащего на длинном сундуке, набитом мечами, алебардами, деревянным тренировочным оружием, защитными масками, поножами и металлическими кинжалами, был не слишком далек от строя мыслей продажных, но честных девушек.

Он лежал с открытыми глазами и следил за ветвлениями лепного винограда, покрывающими потолок фехтовального зала.

Дверь он нарочно оставил незапертой.

После купальни он был чист словно паж Сайлы исс Тамай, Сиятельной супруги Сиятельного князя. И на удивление бодр. Рана, которую Амма, претендовавший на некоторый авторитет в вопросах врачевания, залил едкой пакостью и перевязал, совершенно не докучала ему. Похоже, в Опоре Единства учили не только народным байкам.

Овель все не шла.

«Да с чего я, собственно, взял, что она вообще должна прийти? Я бы на ее месте и не подумал о таком развлечении, как ночная болтовня с офицером Свода».

Эгин сел на своей импровизированной постели. Он не

узнавал себя. Не узнавал. С каких это пор его стало волновать, явится ли девушка пожелать ему доброй ночи или не явится?

Но не успел он сказать себе голосом наставника Вальха очередное и последнее «успокойся!», как дверь распахнулась. И Овель, босая, в одной батистовой рубаше с плеча Эгина, показалась на пороге фехтовального зала.

16

– Ого! – грустно сказала она, оглядывая совершенно пустую и оттого кажущуюся необъятной комнату. – Я вижу, вам тоже не спится, – добавила она, как бы извиняясь за вторжение.

Сердце Эгина бешено колотилась. Кровь стучала в ушах, а язык, казалось, на время перестал выполнять даже простейшие приказания своего владельца. Так всегда бывает, когда чего-то ждешь очень долго и вдруг это желанное «что-то» появляется и застает тебя врасплох. Застает взволнованным и нелепым.

– Я... мм... очень рад видеть вас, госпожа Овель. Мне тоже, знаете ли, не спится.

Эгин не солгал ни в первом, ни во втором. Быть может, он даже слишком рад ее видеть. Она даже еще не успела приблизиться к нему на расстояние верного кинжального броска, а любовный зуд, ударивший в чресла, уже показался ему

почти нестерпимым.

«Я заслужил ее, заслужил», – носилось где-то среди непрошенных мыслей об Обращениях и Изменениях.

– Я так и думала, Атен, иначе бы не пришла, – смутилась Овель. – Я просто хотела объяснить вам, что там на самом деле происходило. А то дико как-то получается. Вы рисковали своей жизнью и тащили меня по этой навозной речке, вы ранены, и вдобавок у вас с плечом... А вы даже не знаете толком, ради чего все это!

Эгин намотал простыню на чресла и, отодвигаясь на самый край сундука (чтобы случайно не спугнуть наверняка чрезвычайно щепетильную родственницу княгини), по-мальчишески поджав ноги, предложил Овель место поодаль от себя. К счастью, она воспользовалась его приглашением. Впрочем, сесть больше было некуда. Разве что на пол, застеленный кое-где матами, набитыми фасолевым шелухой.

– Как вы себя чувствуете, госпожа? – куртуазно поинтересовался Эгин, больше всего радея о том, чтобы легкая дрожь в голосе не выдала его волнения.

– Да мне-то что. Я ведь только стояла поодаль и сидела у вас на руках.

Повисла пауза, какие обычно возникают вслед за правильными ответами на вежливые вопросы.

– Вы очень хорошо сидели, Овель, – улыбнулся Эгин.

Пожалуй, в тот момент он был полностью уверен, что готов сидеть на этом сундуке хоть до завтрашнего вечера, лишь

бы Овель продолжала говорить. Говорить любые глупости. Лишь бы звучал хрусталь ее голоса и доносились до него легкие флюиды благовоний, утонченный запах которых исходило свежеемытое тело его ночной гостьи.

17

– Это были люди моего дяди, Хорта окс Тамая. Вот почему они были такими наглыми. Я знаю в лицо кое-кого из них. И собак, разумеется, тоже знаю, – запинаясь и бледнея, начала Овель. – Я их видела в поместье «Дикая утка». Вы наверняка знаете, о чем я...

– О да, конечно. Маленький Варан посреди большого Варана, как говаривал по поводу «Дикой утки» один из моих приятелей, – откликнулся Эгин.

– Их послал за мной дядя. Я сбежала из «Дикой утки» в возке одной знатной дамы, приехавшей погостить. Она сжалилась надо мной, и я спряталась у нее в ногах, свернувшись клубочком, а она накрыла меня пышным подолом своей юбки. К счастью, мой вес невелик. Двое даллагов, что тащили возок, ничего не заметили. Так, в ногах у этой дамы, я и проделала весь путь до столицы... Потом едва разогнула спину, как будто это я возок тащила, – хохотнула она, забыв о том, какой грустный – безо всяких циничных кавычек! – рассказ собиралась преподнести Эгину.

Эгин улыбнулся. Представить себе Овель, впряженную в

возок, было так же забавно, как представить гнорра зазывалой портового трактира, где вши величиной с форель.

– Насколько я понимаю, это было вчера? – осведомился Эгин.

– О нет, не вчера. Три дня тому назад, – поправила Овель, снова погрузнев. – Моя благодетельница сказала, что из страха перед дядей не может скрывать меня у себя. А потому она, пойдя на хитрость перед возчиками, выпустила меня возле Восточных Ворот, отдав все свои наличные деньги и даже два перстня.

– А потом, что было потом?

– Потом было плохо и совсем неинтересно. Я пыталась уплыть морем. Но когда я добралась до порта, я обнаружила, что о моем бегстве уже известно в «Дикой утке» и люди с собаками уже обыскивают корабли именем Сиятельного князя. В общем, я решила придумать что-нибудь получше, путая следы. Я даже намазала свои туфли специальным снадобьем, которое, по уверениям бабки, продавшей его, отбивает след, когда на тебя охотятся с собаками. Но этим собакам, видно, все нипочем. Или снадобье оказалось липовым, – вздохнула Овель.

– Скорее собаки оказались настоящими, – зло сказал Эгин. – Не знаю, что там было за снадобье, но то, что эти псы взяли наш след, когда мы шли по сточной канаве, говорит о том, что...

– Что? – в нетерпении спросила Овель.

– Что это не совсем обычные псы... – начал Эгин, как вдруг его взяло такое зло на всех – на Вербелину, на Хорта окс Тамая, на Гастрога, – что он поспешил сменить навязчивую собачью тему на любую другую. – Не важно. Так что было дальше?

– Они меня поймали. Выследили и поймали. Собственно, это были те самые люди, которым сегодня посчастливилось уйти от вас живыми. Они заперли меня в той самой гостиничной комнате, где я остановилась, и послали за своими. Это было прошлым вечером...

– Но вам снова удалось бежать! – с неподдельным восхищением воскликнул Эгин.

– Угу. Я вылезла через окошко под потолком, – скромно ответила Овель. – Я ведь не очень толстая... Но к сожалению, мне опять не повезло. Меня снова поймали!

На этом месте Овель снова заревела.

«Ну и плакса эта госпожа!» – вздохнул Эгин, поглаживая Овель кончиками трепещущих пальцев по блестящим черным, а быть может, каштановым – в полумраке не очень-то разберешь – волосам. Впервые в жизни ему выпало сыграть роль утешителя столь прекрасной, столь плаксивой девушки.

Никогда не определишь тот момент, когда невинные поглаживания становятся предвестниками страстной ласки. Да

Эгин и не собирался этого делать. Рах-саванн умер в нем вместе с пробуждением чувства, столь мощного, что оно, пожалуй, смогло бы умертвить и осознание того, что отец «... назвал его Эгин». Хотя, конечно, на самом деле Эгином назвал его вовсе не привычный человеческим детенышам отец, а Отцы Поместий. Как его нарекли при рождении родители – о том ему было неизвестно.

Он шептал ей слова утешения, покрывая робкими поцелуями ее волосы, а она не протестовала.

Он обнял ее озябшие плечи и поцеловал ее в батистовое плечо – правда, она стала реветь еще более прочувствованно, но по крайней мере не сопротивлялась и не отстранялась.

Затем он освободил от прядей ее мраморную, белую шею и поцеловал ее со всей нежностью, на которую вообще был способен, а она лишь благодарно шморгнула носиком.

Он вытирал ее слезы, а она лила их вновь и вновь. Соленые жемчужины стекали по ее лицу и падали на пол, на сундук, набитый воинственным барахлом, на горячие ладони Эгина. Он ловил эти слезы, как дети ловят капли долгожданного дождя. И он благословлял их, как земледельцы благословляют грозу после долгой засухи.

– Ты мне нравишься, Овель. Ты мне нравишься, девочка, – шептал Эгин, в упоении лаская ее тело.

Она не отвечала ему. А может, и отвечала, но разве разберешь что-нибудь, когда слезы шумят, словно дождик, а длинные влажные ресницы щекочут твою щеку?

Эгин посадил Овель себе на колени. Простыня, разумеется, уже давно была не у дел. Она валялась на полу, напоминая о затянувшейся прелюдии. Туда же отправилась и батистовая рубаша Эгина, скрывавшая скульптурную наготу Овель исс Тамай.

Казалось, Овель не была смущена, а лишь прятала лицо среди прядей, чтобы не показаться распущенной. Ее ручки, маленькие белые ручки обвили шею Эгина с трогательной, доверительной нежностью, а ее губы уже отвечали поцелуем на поцелуй.

Ее огромная серьга в виде клешни морского гада, усыпанная сапфирами, покалывала щеку Эгина, не принося ему боли, но лишь остроту изысканной пряности. Он провел языком внутри ушной раковины своей красавицы. Пусть эта сладкая боль, боль комариного укуса, повторится еще и еще.

Эгин сделал большой глоток воздуха, прежде чем набраться храбрости сделать решительный шаг, после которого возврата к стыдливим поцелуям уже нет и быть не может.

«Вербелина, пожалуй, не пожалела бы денег, чтобы только навести на эту девочку порчу, узнай она о том, какая пропасть лежит между тем упоением, которое дарит мне ночь с ней, и блаженством, которое приносит мне один жасминовый запах белоснежной шеи Овель исс Тамай», – подумалось Эгину, когда тесное объятие слило их тела воедино.

«Так и навеки», – говорили молодые офицеры в конце клятвы верности Своду Равновесия. «Так и навеки», – про-

неслось в голове у Эгина совсем по другому поводу.

19

Эгин толком не знал, сколь много времени прошло. Быть может, час. Быть может – сутки, а на дворе уже рассвет следующего дня.

Их тела, слившись в сладком, усталом объятии, лежали теперь под кисейным балдахином в его спальне.

Глаза Овель были грустны, а ее трогательные губки с крохотной родинкой в излучине улыбки были сложены в плаксивый бутон. Но она больше не плакала. Прильнув к Эгину, она молчала, время от времени роняя трогательные вздохи.

«Я хочу тебе что-то сказать на ушко», – зардевшись, прошептала Овель минуту, а может быть, вечность назад. «Я слушаю тебя, милая», – улыбнулся Эгин, заранее потворствуя любому ее желанию. «Я люблю вас, офицер», – сказала она и спрятала лицо в подушках. Эгин поцеловал ее в плечо.

Он молчал, ибо понимал, что на такие слова он, рахсаванн, с которого, быть может, завтра заживо сдерут шкуру, не имеет права.

Он, Эгин, даже не из захудалых дворянчиков. Даже не из торгового сословия. Он, Эгин, – никто, милостью Свода и гнорра ставший кем-то окс Кто-то. Атенем окс Гонаутом, например.

Он не имеет права произносить слово «любовь» по отно-

шению к женщине. Как не имеет права сочетаться браком. Даже если бы родственники Овель насильно выдали ее за него. Поцелуй. Вот единственный ответ, который заслужило трогательно признание Овель. Понимает ли она, в чем причина такой сдержанности Эгина?

Но все, что осталось невысказанным, договорило тело. Эгин не мог больше сдерживать себя. Не мог более думать об Уложениях Жезла и Браслета. А не плевать ли ему на Сочетания и Обращения? А не плевать ли ему на Кюна, на Амму, которые, не исключено, наблюдают за их играми через Зрак Добронравия?

Ему плевать! Язык Эгина прохаживался по белоснежному боку Овель с такой жадностью, как будто ее кожа была sprыснута сладчайшим нектаром. Его руки, которые ничто и никто не мог теперь удержать от святотатства, раздвинули ее худенькие бедра, и поцелуй, сбросив маскарадные одежды дозволенности, стал запретным, безнадежным и непостижимым. То есть таким, каково есть Второе Сочетание Устами.

В тот миг Эгин думал лишь о том, чтобы доставить Овель удовольствие, никак не оплаченное ее телом, ее слезами, жалостью и благодарностью. Он хотел сделать ей такой же смелый подарок, какой сделала она, признавшись в любви ничтожному офицеру.

О да, эту фразу – «я люблю тебя» – Эгин слышал много раз. От шлюх. Чужих и собственных любовниц, более всего заботящихся о том, чтобы мимоходом не нарушить ка-

кое-нибудь из Уложений Жезла и Браслета. Но только слез с уст Овель, она приобрела смысл, который не уместить в узеньком ящичке удачно проведенной ночи.

Только в устах ласковой Овель эта салонная банальщина прозвучала признанием в любви. Овель металась на постели, уносимая ураганом запретного наслаждения, а Эгин, прильнув к ее плоскому, шелковому животу, зажмурился. «Нет, рассвет нужно отложить по меньшей мере до завтрашнего вечера».

20

Несмотря на усталость, ни ей, ни ему не спалось.

До суеты утра было еще далеко. Эгин умолял Овель отдохнуть перед дорогой, которая обещала быть долгой и уютной. Но тщетно. Умиротворение так и не воцарилось в их душах. Шестикрылый призрак неутолимой страсти не желал покидать спальный покой Атена окс Гонаута, толмача-письмоводителя Иноземного Дома.

Овель, крепко обняв Эгина, печально смотрела в пустоту.

Эгин смотрел на нее, в сотый раз скользя восхищенным взглядом по ее груди, по ее сладким бедрам и упоительному животу, по ее покатым плечам и лебединой шее, по ее лицу, покрытому смешными веснушками, по ее точеному носику и перепутавшимся каштановым, о да, каштановым волосам. И по ее ушам, отягощенным массивными клешнеоб-

разными серьгами, которые оставались единственным предметом туалета, которым не пренебрегли они в своем не объяснимом никакими рациональными соображениями порыве обнажить друг перед другом не только тела, но и души.

Лежа вот так, Эгин впервые в жизни осознал, что такое Крайнее Обращение. О да, магия, будь она неладна, рождается именно так. Именно в такие минуты Тонкий Мир отверзает свои ворота и потусторонние силы – союзники или друзья – вливаются в мир мощным всесокрушающим потоком.

Так рождается магия, за чьими жалкими отзвуками охотится он, Эгин, и его коллеги из Свода Равновесия. Так рождается крамола. Но ему не было дела до крамолы, пока свежее дыхание Овель омывало его щеку.

– Но ты так и не сказала мне, отчего сбежала от дяди, моя милая, – неизвестно зачем спросил Эгин, борясь с подступившим таки сном.

– Он спал со мной так же, как это только что делал ты, Атен, – сказала Овель с горькой усмешкой. – Ему это нравилось, а мне – нет.

Эгин закрыл глаза. Столько новостей сразу не выдерживал даже его тренированный рассудок. Он не нашел ничего более правильного, как закрыть уста Овель поцелуем. У них будет предостаточно времени для того, чтобы все тайное стало явным, а все недомолвки – подробностями.

«Будь что будет», – вот последнее, что подумал Эгин, проваливаясь в пучину сна.

Глава 6

Свод равновесия

1

Когда Эгин проснулся, первое, что он ощутил, был вкус Овель на его губах. «Второе Сочетание Устами!» – прогремел страшный голос невидимого и неведомого судьи, который живет внутри каждого офицера Свода Равновесия.

Вторым, не менее острым, но куда менее приятным ощущением Эгина стала боль в левом плече. «Спасение через Внутреннюю Секиру!» – тот же голос.

Эгин не сдержался и выпустил сквозь зубы слабый стон, пытаясь справиться с нахлынувшей на него раскаленной лавой воспоминаний о минувшей ночи.

Он – преступник. Он, рах-саванн Опоры Вещей, – преступник. В мозгу Эгина лихорадочно перестукивали сотни счетных костяшек. Он хочет сохранить свою жизнь и свое положение. Значит, надо лгать. Лгать по крайней мере о том, что произошло ночью между ним и Овель.

Овель! Только теперь Эгин решился открыть глаза. Постель рядом с ним была пуста. И в комнате тоже никого не было.

Он вскочил и ворвался в столовую. Никого.

Он заглянул в зал для упражнений. Голые стены и большой длинный сундук в углу.

Едва ли чиновнику Иноземного Дома следует афишировать свою необъяснимую любовь к хорошему и разному оружию.

Чувствуя себя круглым идиотом, Эгин сбегал в спальню за ключами и, вернувшись в зал, открыл сундук. Ну еще бы! Овель здесь не сыскалось. Да и где бы она спряталась среди шестов, алебард, деревянных мечей, огромного пучка стрел и заклеянного на вчерашней попойке метательного оружия?!

Эгин высунулся из окна во внутренний двор и, адресуясь к окнам, которые были этажом ниже, благим матом позвал прислугу.

Про дивную веревочку для вызова прислуги с деревянным шариком на одном конце и чудным колокольцем на другом он поначалу забыл. Не докричавшись с пятого раза, Эгин наконец вспомнил о нем, и тут наконец заметил, что шнура для вызова больше нет.

Точнее, он есть. Но безвольно свисает из окна, перерезанный чьей-то доброжелательной рукой.

Эгин покрылся холодным потом. Утро было уже отнюдь не раннее. Жара и духотища. Типичное летнее утро в столице Варана. Но посреди варанского лета рах-саванну Эгину стало холодно. Холодно, словно бы он ринул в бездонную

могилу – на ледяное дно мироздания.

Пройдя по коридору и спустившись на деревенеющих от страха ногах в комнату прислуги, Эгин обнаружил самое худшее.

Дверь была не заперта, а лишь прикрыта. Кюн и Амма находились в своих постелях. Они спали. Спали глубоким и ровным вечным сном.

2

Несмотря на то что виски начало ломить от неумолимо приближающегося недопойного похмелья, Эгин не мог себе позволить выпить и капли.

Он сидел на мате посреди фехтовального зала и с пустым взором вертел в пальцах легкий метательный нож.

Овель исс Тамай бесследно исчезла.

Беглый опрос соседей и чужих слуг, который Эгин постарался провести в самой что ни на есть небрежной манере, не дал ничего.

Трупы Кюна и Аммы оставались необранными.

При осмотре тел Эгин довольно быстро обнаружил на их шеях крохотные красные пятнышки. Причина их смерти стала ясна ему как день – отравленные иглы. После этого судьба двух соглядатаев, работавших под началом безымянного эрм-саванна Опоры Единства, его совершенно перестала интересовать.

«Они начнут пахнуть часов через девять. А ряженные могильщиками люди из Опоры Единства сюда поспеют и за полтора», – решил равнодушный Эгин.

Сейчас ему было важно другое. Овель исс Тамай, родственница первых лиц государства и его новая любовница (Эгин с грустной улыбкой поймал себя на мысли, что Вербелина как-то сама собой успела приобрести в его глазах статус «старой», «бывшей»), бесследно исчезла.

«Бесследно исчезнуть» из постели рах-саванна – дело само по себе непростое. А тем более для шестнадцатилетней девчонки. Впрочем, из когтей всесильного дяди Хорта, старого греховодника, тоже ведь вырваться было непросто.

«Если она, конечно, не лгала насчет побега», – заметил Эгин, к которому вместе с пробуждением вернулась профессиональная недоверчивость.

Овель могла уйти сама. «Куда? Зачем?»

Овель могла быть похищена людьми своего дяди. «Как нашли? Как успели? Здесь ведь живет Атен окс Гонаут, дипломат из Иноземного Дома, а не Эгин, рах-саванн из Свода Равновесия».

И наконец, Овель могла быть похищена другой силой, не имеющей отношения к Хорту окс Тамаю. «Какой такой „другой силой“?»

Эгину оставалось только развести руками.

Резкий взрыв боли в левом плече подбросил Эгина на ноги. Да. Да. Да, сыть Хуммерова! Альтернатив нет. Если он

не отправится в Свод Равновесия немедленно, его ждет верная, мрачная смерть от пробужденной Внутренней Секиры. Гороховый верняк, милостивые гиазирь.

Значит, он должен идти на доклад к Норо. Рассказать все. Может разве кроме особо шокирующих подробностей бурной ночи с Овель. А потом – будь что будет.

Взрывной бросок Эгина вогнал метательный нож в грубую мишень, предназначенную для топоров, на ладонь.

3

Главная цитадель варанской тайной службы охраны Князя и Истины, именуемой Сводом Равновесия, находилась в самом центре Пиннарина, на площади Шета окс Лагина, напротив княжеского дворца.

Огромное трехступенчатое здание Свода Равновесия занимало всю южную сторону площади. Всю северную занимал дворец.

Площадь Шета окс Лагина, по уверениям придворных пиров, была самой большой площадью в Круге Земель. И мало кто знал, что Элаево Поле в Орине и Плац Лана в Реме Великолепном все-таки больше. Эгин, например, не знал, потому что никогда не задавался праздными вопросами.

Третья ступень Свода Равновесия вполне символически венчалась огромным голубым куполом, над которым пламенил червленым золотом герб тайной службы – двуострая гла-

застая секира. Такая же, как та, которая была выгравирована на жетонах всех офицеров Свода. Такая же – но в сорок раз большая.

Никто, кроме Сиятельного князя и гнорра, не знал точно обо всем, что кроется за фасадом Свода, сложенным из ослепительно белого греоверда.

Этот огромный лабиринт, имеющий девять надземных, три (или четыре – Эгин точно не знал) купольных и по меньшей мере четыре (или пять? или семь? – Эгин не знал и подавно) подземных этажа, этот спрут, распустивший подо всей центральной частью Пиннарина сложную сеть туннелей и потайных ходов, этот рукотворный утес, противостоящий Изменениям вот уже сто девятнадцать лет, был воистину непостижим, как непостижимы луна и звезды на небесных хрусталях.

Площадь Шета окс Лагина была окружена Красным Кольцом – самой престижной улицей Пиннарина, застроенной роскошными четырехэтажными особняками с фонтанами, башнями, оранжереями и прочей роскошью.

Все дома на Красном Кольце находились под наблюдением Опоры Единства. Среди этих зданий были не только личные особняки высокопоставленных вельмож из Совета Шестидесяти, крупных военных чинов и корабельных магнатов, но и обычные доходные дома наподобие того, в котором снимал квартиру Эгин.

Ну и, конечно, на Красном Кольце располагались самые

важные Дома княжества. Морской Дом, Иноземный, Почтовый, Недр и Угодий... И все они, все без исключения, были связаны со зданием Свода Равновесия подземными ходами разного качества и назначения.

Разумеется, Эгину, а точнее, Атену окс Гонауту нужен был именно Иноземный Дом.

4

Подземные ходы охранялись офицерами Опоры Единства.

Каждый офицер – обычно эрм-саванн – знал в лицо всех, допущенных к проходу через данный туннель. Эти офицеры были либо сумасшедшими добровольцами-мизантропами, либо карьеристами (год службы под землей шел за два на поверхности), либо совершившими служебный проступок. Последних было большинство. Ходили слухи, что они никогда не возвращаются в большой мир. Хотя их и кормят соответствующими обещаниями аррумы Опоры Единства.

– Стой! Назови себя!

По ту сторону двери, литой из полупрозрачного стеклоподобного материала (Эгин не знал, что в древности он назывался лунным или хуммеровым стеклом), расплывался и колебался силуэт человека с мечом наголо.

Помимо того, что хуммерово стекло было прочно, как сталь, оно имело удивительную одностороннюю прозрач-

ность. Эгин не мог толком разглядеть собеседника, а тот видел Эгина прекрасно.

Туннель, через который обычно проникал в Свод Равновесия Эгин, охранялся как раз добровольцем-мизантропом. Он прекрасно знал всех, допущенных к этому туннелю, и все-таки никогда не отступал от формальностей процедуры. В общем-то правильно делал – ведь Эгин мог и донести.

– Эгин, эрм... рах-саванн Опоры Вещей.

– Рах-саванн? – В голосе офицера-охранника послышалось легкое недоверие.

– Я получил повышение только позавчера. Возможно, вам еще не успели обновить списки, – пожал плечами Эгин.

Охранник замешкался.

– Нет, успели. – Голос офицера в переговорной трубе чуть подобрел. – Поздравляю, рах-саванн. Проходите.

Дверь повернулась вокруг своей оси, открывая два совершенно одинаковых с виду прохода.

Тут крылась простая, но очень жестокая ловушка. Только правый, только правый проход! Если сегодня четный день месяца, значит, проход – правый. Если нечетный – значит, левый!

Это вдалбливали каждому офицеру, допущенному к туннелю, по сто раз. Того, кто забывал об этом и в четный день месяца проходил через левый проход, ждали плохие сюрпризы.

Иногда – просто ведро помоев на голову. Иногда – мол-

ниеносный удар меча офицера-охранника. Иногда – понижение в звании. Это уже зависело от указаний, которые измыслил на текущую неделю гнорр. Потому что офицер Свода должен быть предельно внимателен всегда и везде. Даже в собственной вотчине. Так говорили наставники.

Несмотря на это, Эгин никогда не мог понять, какой смысл в этой абсурдной и жестокой игре. Несколько раз они с Иланафом пытались придумать ей сколько-нибудь убедительное оправдание, но всякий раз заключали, что никакого смысла нет. И они были правы.

5

Внутренние помещения Свода Равновесия весьма запутанно делились по принадлежности к Опорам. Туннель Иноземного Дома открывался в участок второго подземного этажа, принадлежащий Опоре Вещей.

Его кабинет, равно как и кабинет Норо, находились на третьем надземном этаже.

Эгин дошел до конца широкого коридора с вечно закрытыми дверьми (что находится за ними, ему было даже страшно помыслить) и ступил в клетку подъемника.

Эгин достал ключ, за утерю которого ему грозила смертная казнь, открыл дверку, под которой покоилась полированная металлическая пластина, и вывел на ней пальцем свое имя.

Мелодично звякнули колокольцы, и неспешное вознесение Эгина началось. Эгин не знал, как работает подъемник и в особенности как эта проклятая машина по его имени, на чертанном на обычной с виду железяке, распознает необходимый этаж. Но раз уж так происходит – значит, это возможно. В конце концов, подумаешь, дела большие – Измененное железо!

Подъемник прополз мимо коридоров чужих ярусов, завешенных черными портьерами или перекрытых дверями разной толщины и надежности. Сходить здесь Эгину строжайше воспрещалось. Да он и не хотел. Не собирался. Даже помыслить об этом не мог.

Плечо болело невыносимо. Тело Эгина рвалось в не очень-то добрые, но целительные руки Знахаря. Но к Знахарю не попасть, не отчитавшись предварительно перед Норо и не получив от него соответствующего разового пропуска...

6

– Рах-саванн Эгин прибыл из отпуска в ваше распоряжение, аррум! – по возможности браво отрапортовал Эгин.

– Рад видеть тебя, рах-саванн, – улыбнулся Норо. – Но похоже, отпуск не пошел тебе на пользу. Ты очень, очень бледен.

От внимания Эгина не ускользнул свежий ледок, притаившийся в глубине черных глаз Норо. Но ему оставалось лишь

игнорировать настроение своего начальника. Эгин пустился с места в карьер.

– Да, аррум. Отпуск не пошел мне на пользу. И в свете этого я имею к вам дело безотлагательной срочности.

Зная, что этого все равно не избежать, Эгин начал расстегивать рубаху, продолжая говорить:

– Вчера, возвращаясь с дружеской вечеринки у Иланафа, я встретил девушку, которая отрекомендовалась как Овель исс Тамай и попросила сопроводить ее к Северным Воротам. Трое, о которых мне известно, что они являются наемниками Хорта окс Тамая, совершили на нас нападение посредством клинков и псов. В результате под угрозой смертельной опасности я был вынужден вскрыть и продемонстрировать Внутреннюю Секиру, поскольку Внешнюю я, согласно предписаниям, оставил дома как находящийся в отпуске. После чего Овель исс Тамай осталась у меня ночевать. Проснувшись сегодня утром, я обнаружил, что Овель исс Тамай исчезла. Своих слуг я нашел мертвыми. Они были убиты при помощи отравленных игл, выпущенных из духовой трубки. Вкратце все.

Эгин снял рубаху, развязал повязку и продемонстрировал Норо рану с пунцово-желтыми гноящимися краями.

– Можешь одеваться, – махнул рукой Норо. – А теперь сядь и расскажи все не вкратце.

– ...И ты, конечно же, вступил с ней в любовную связь? – таков был первый вопрос Норо после того, как Эгин очень обстоятельно и в целом правдиво поведал свою историю, изнывая от боли в плече, где, казалось, неведомые колдовские уста раздували пригоршню раскаленных углей.

– Не вступил, аррум, – отрицательно мотнул головой Эгин.

В этом вопросе он решил стоять на своем до конца. Если потребуется – до самого конца. Потому что мужчина, соблазнивший (или соблазненный – какая разница?) незамужнюю племянницу Хорта окс Тамая, становился костью в горле слишком могущественным людям, чтобы рассчитывать на сохранность своей бесценной жизни.

– Значит, не вступил, – задумчиво повторил Норо.

Он поднялся со своего жесткого кресла с высокой спинкой и подошел к окну, выходящему в один из внутренних дворов-колодцев Свода. Эгин был вынужден вскочить на ноги вслед за своим начальником.

– Ты вообще понимаешь, рах-саванн, в какое говно ты вляпался вчерашним вечером? – Голос Норо шелестел, как отжившие листья, которые ветер лениво ворочает в затхлой подворотне. – Ты понимаешь, кто такой Хорт окс Тамай? Ты знаешь, каким влиянием на Сиятельного князя он обладает?

– Да, аррум. Я понимаю. – Вздох Эгина был неподдельным.

Получалось, что он не прав с любой стороны. Вечером он отбил Овель у людей Хорта. Ну и хорошо. Потом по крайней мере мог бы всегда солгать, что не поверил ни одному слову нападавших и собирался просто передать Овель ее возлюбленному дядюшке из рук в руки.

Но утром-то она исчезла! И следовательно, с точки зрения Хорта он, Эгин, прогавил его сокровище. О Шестьсот Ликов Ужаса! О Шилол!

– Умный, – бросил Норо через плечо без всякой насмешки. – В таком случае, рах-саванн, ты должен понимать, что я сейчас разговариваю с покойником.

Эгин понимал и это. И именно поэтому – покойникам-то терять нечего – решительно сказал:

– Да, аррум. И я им стану совсем скоро, если вы меня не отпустите к Знахарю.

Норо резко обернулся:

– К Знахарю? Да, конечно, рах-саванн, конечно. Но у нас есть еще один разговор, помимо Овель исс Тамай.

– Да, аррум, – сквозь плотно сжатые зубы выдавил Эгин. Он чувствовал, что силы покидают его с пугающей быстротой. – Могу ли я сесть, аррум?

– Нет, – жестко отрезал Норо, возвращаясь в свое кресло. – Стой и слушай. Многое изменилось за время твоего отпуса, рах-саванн. Я досмотрел вещи Арда. И я не нашел в

них того, что искал. А это очень плохо, рах-саванн. Очень плохо. Ты слышишь меня, рах-саванн?

Эгина качало. Две жестокие пиявки присосались к вискам и тянули из них добрую кровь. Ступни леденели. На лбу проступили ледяные капли пота.

– Я... слышу... вас... аррум. – Эгину пришлось совершить над собой невероятное усилие, чтобы выдавить эти ничего не значащие слова.

Он не понимал, что происходит. Обнажение Внутренней Секиры – действие и впрямь очень опасное. Но их учили, что по меньшей мере двое суток даже не самый сильный офицер должен протянуть. Ну пусть он потерял много сил во вчерашних схватках – смертоубийственной с отребьем Хорта и любовной с Овель. Но по меньшей мере на сутки он еще мог рассчитывать. Выходило – не мог.

– Если ты меня слышишь, – слова Норо грохотали в его ушах кузнечными молотами, – то отвечай мне, пока еще не издох, что ты утаил от меня при осмотре каюты Арда?

Перед глазами Эгина проплыли призрачные сполохи Изумрудного Трепета.

Он чувствовал, что его уста одеревенели, язык налился свинцовой тяжестью, но все его существо вдруг наполнилось непостижимой, новой, искрящейся силой. Говорил не он. Говорила эта новая сила, вводящая в его слова тяжелую, уверенную и наглую ложь:

– Я офицер Опоры Вещей. Я служу Князю и Истине. Я

не лгал никогда ранее и не лгу сейчас. Я досмотрел каюту Арда в соответствии с предписаниями, не отступив от них ни на шаг. И передал вам правду, только правду, ничего, кроме правды.

Его тело падало, падало в бездонный омут тягучей, все-испепеляющей боли. Наверное, он говорил что-то еще, пока его раздираемое мукой тело корчилось на ясеневом полу кабинета Норо окс Шина.

8

Знахаря знал каждый, в чьем левом плече была зашита металлическая пластина с глазастой секирой Свода Равновесия.

Знахарь был один и все же значительно более чем один – узнать это наверняка было невозможно. В самом деле, будь он один, Знахарь никогда не смог бы обслуживать сотни офицеров Свода – лечить их, вживлять им Внутренние Секиры, отвечать на вопросы людей из Опоры Безгласых Тварей. И при этом не забывать о своем ученике, который после смерти займет его место, примет имя Знахарь и прозвище Многоликий.

Эгин никогда не мог понять, в каком именно месте Свода, Равновесия находятся обширные, по-своему светлые и при этом непередаваемо мрачные хоромы Знахаря.

Было ясно одно: они расположены на одном из подземных

ярусов, неподалеку от кузниц Свода. Но где находятся кузницы Свода, Эгин тоже не знал.

Когда офицера направляли к Знахарю, в сопровождение ему отряжали троих молодцов из Опоры Единства, старший из которых имел звание рах-саванна.

Еще в клетки подъемника пациенту Знахаря надевали на голову глухой шлем, который не только полностью лишал возможности видеть, но и слышать, поскольку имел плотные войлочные наушники. Офицеры Опоры Единства спускались вместе с пациентом вниз на подъемнике, а потом вели его извилистыми коридорами со множеством поворотов. Шлем с пациента снимали только после того, как за спинами офицеров закрывалась последняя из трех дверей.

Эгин помнил свое первое посещение Знахаря. Оно осталось в его памяти неуничтожимой, скупой гравюрой. Все детали видны отчетливо, все – на своем месте.

Он, только что произведенный в эрм-саванны и тем самым зачисленный в «предвечные, неколебимые и бессмертные» ряды офицеров Свода Равновесия, восторженный и взволнованный (ах, как громко билось тогда в груди сердце! громче, чем все барабаны «Зеркала Огня!»), явился пред очи Знахаря, чтобы сдать кровь на Секиры – Внутреннюю и Внешнюю.

Знахарь показался ему тогда черепахой, с которой содрали панцирь. Старый, согбенный, раздражающе неторопливый, он сидел в огромном чане с горячей водой. К великому

сожалению тогда еще брезгливого эрм-саванна, из чана разлило мочой.

Из хрустальных шаров под потолком струился неровный многоцветный свет. На стенах Эгин, к своему удивлению, увидел множество зеркал. Круглых, квадратных, ромбовидных, шестиугольных, овальных... Стеклянных и бронзовых, золотых и греовердовых...

Эти бессмысленные зеркала показались Эгину самым странным, что он видел в своей жизни: зачем они страшно-му как смерть Знахарю? Уж явно не для того, чтобы красоту наводить.

В тот раз процедура была совсем проста. Знахарь полоснул по пальцу Эгина крохотным, но острым как мысль ножичком и, нацедив в две склянки по наперстку Эгиновой крови, прокрипел: «Убирайтесь!»

Великомудрый Вальх когда-то объяснял Эгину, что синие искорки внутри Сорока Отметин Огня отвечают своему владельцу не просто так. Металл жетона «чувствует» кровь своего хозяина. И чтобы он мог «помнить» о ней, все пластины изготавливаются совершенно индивидуально.

Кузнецы Свода Равновесия подмешивают в расплавленное железо кровь, взятую от того офицера, для которого изготавливаются жетоны. Разумеется, процедура сопровождается надлежащими Словами и Знаками. Обе Секиры – и Внутренняя, и Внешняя – переделываются всякий раз после очередного повышения.

Дорого и сложно? Да. Но Вольный город Орин, да и Великое княжество Варан когда-то уже сэкономили на безопасности государства. Каждый школяр знает, что из этого вышло.

В следующий раз Эгина приводили к Знахарю через неделю, чтобы зашить в него готовую Внутреннюю Секиру.

Эгину показалось, что сопровождающие его офицеры Опоры Единства немного нервничают. «Впрочем, – подумал тогда Эгин, – они, наверное, нервничали и в прошлый раз, но я был слишком взволнован сам, чтобы заметить их волнение».

Знахарь принял его, будучи одет в длинный прожженный во многих местах халат, расшитый одним и тем же сюжетом: огромная косматая звезда изумрудно-зеленого цвета с женским ликом, перекошенным яростью, пожирает желтую звезду – Солнце Предвечное.

Жуткий был халат у Знахаря, и сам Знахарь был хоть куда: невысокий, невесомый старик с походкой змеи («Да, если бы змея обладала ногами, у нее была бы именно такая походка!» – отметил тогда Эгин).

На голове Знахаря был шлем серебристого цвета, подражающий птичьей голове. Опущенное забрало было выполнено в форме загнутого книзу и, судя по всему, действительно острого клюва. В прорезях светились – не злобой, не неистовством, нет! – совершенным, ледяным спокойствием глаза Знахаря.

Знахарь бесцветным голосом приказал Эгину лечь на про-

стой деревянный стол, усыпанный сухими пахучими травами, из которых Эгин не знал и половины.

Единственным отличием этого стола от его бытовых собратьев были ножки, которые выходили вверх над столешницей на локоть. На каждой из них была укреплена медная чаша. Еще до того, как лечь на него, Эгин догадался, каково предназначение этих чаш. И он не ошибся.

Эгин лежал на столе, пытаясь расслабиться и понимая, что расслабиться не так-то просто в этом страннейшем из закутов Свода Равновесия под пристальным взором страннейшего из лекарей, о которых ему когда-либо приходилось слышать.

Потом Знахарь заиграл на двойной флейте.

И вместе с причудливой мелодией, повествующей, казалось, о самой печали бытия, из медных чаш над столом поплыли клубы ароматного, сладостно-удушливого дыма, в котором сознание Эгина растворилось, словно бы и не существовало отдельно от Гулкой Пустоты никогда.

Когда к Эгину вновь вернулась способность воспринимать и осмысливать происходящее, он первым делом посмотрел на свое левое предплечье.

Там, едва заметные среди волос и здоровой кожи, белели шрамы, образующие разомкнутый прямоугольник.

– Сколько времени прошло? – Собственный голос показался Эгину слаще музыки. Так относишься к нежданному возвращению всего, о чем думал, что потерял его безвоз-

вратно.

– Около часа, – бросил Знахарь.

С тяжелым, обыденно тяжелым вздохом он снял шлем с клювообразным забралом. Эгин успел заметить, что железный клюв красен от крови до самого основания. Чья же кровь?.. Эгин поспешно заключил, что его, – едва ли в том могли быть сомнения.

– Так мало? – удивился Эгин.

– Разговаривать запрещено, – чересчур вяло для своей должности напомнил рах-саванн Опоры Единства.

Знахарь бросил на него быстрый взгляд. Эгин подумал, что от таких взглядов несложно и собственный черен позабыть, не то что какие-то Уложения Свода.

– Он прав, эрм-саванн. – Знахарь, показалось Эгину, подмигнул ему.

«Что за чушь? Конечно показалось!»

Эгин уже застегивал ворот рубахи, рах-саванн уже готовил для него глухой шлем, когда до слуха Эгина донеслись слова Знахаря, брошенные ему в спину:

– Успехов тебе, эрм-саванн. Люби и властвуй.

Прежде чем шлем наглухо запечатал его глаза и уши, в сознании Эгина мелькнула мысль, что он нигде не заметил третьего офицера Опоры Единства. Чья же кровь?..

Когда Эгин очнулся, он первым делом осмотрел свое левое предплечье. Там, едва заметные среди волос и здоровой кожи, белели шрамы, образующие разомкнутый прямоугольник.

Очень болела голова, но Эгин чувствовал, что это боль облегчения. Она не будет усиливаться, она скоро сойдет на нет.

– Ф-фух, еле спас тебя, придурка!

Голос – молодой, усталый, но все еще сохранивший искорки жизнелюбия – прозвучал из-под серебристого шлема с клювообразным забралом, сплошь перемазанного кровью и зеленоватым гноем.

– Кто ты? – Эгин уже вполне пришел в себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.